

IRINA RAYMOND

Исповедь особенной мамы
А я до сих пор жива

Автостоп на два моря

Irina Raymond

**Исповедь особенной мамы.
А я до сих пор жива.
Автостоп на два моря**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Raymond I.

Исповедь особенной мамы. А я до сих пор жива. Автостоп на два моря / I. Raymond — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Ирина – канадская писательница. Она – россиянка. Муж – канадец. Выгуливая свои мысли в лесу, Ирина решает написать книгу. Как дань памяти любимому старшему сыну Дмитрию. Как письмо любимому младшему сыну Денису. Дмитрий – офицер. 10 лет назад погиб. Денис – бизнесмен. 9 лет назад женился и отказался от матери. Ирина почти научилась жить без сыновей и справляться с болью. Но не всегда... Ирина летит в Россию. Авантюрная идея: автостоп от Екатеринбурга до... как получится, начинается. 20 судеб дальнбойщиков. Азовское море. Крым. И опять Урал. 8 000 км на фурах. Приключения и уроки судьбы. Если дана жизнь, её надо жить!

© Raymond I., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Исповедь особенной мамы «А я до сих пор жива».

Автостоп на два моря.

20 июня 2016 года. Раннее утро. Город спит. Мой большой и тяжёлый рюкзак, где основной груз – ноутбук и мои тетради со стихами, готов к новым и неизведанным доселе приключениям. Ещё зимой, в своих длительных прогулках «по выгуливанию мыслей», я придумала себе это – автостоп от Екатеринбурга и до... Как получится.

Только подруга Светика восприняла моё авантюрное решение спокойно. Она знала, что, если я решила, то это уже неизбежно. Все остальные в «оммороке». Пытались отговаривать, стращали, увещевали, приводили негативные примеры. Но я решила. Обдумала и составила маршрут.

Ни страха, ни сомнений. Да, Россия – непредсказуемая страна. Только я здесь рождена, а потому – вперёд!

Не боясь высоты, отправляюсь в полёт.

Два крыла за спиной и надежда.

Держит курс на любовь мой большой самолёт.

Я срываю ненужность одежды.

Вот Земля подо мной – удивительный срез.

Очарованность внешнего круга.

Тонкость грани, как солнечность мига, на «шесть».

Шёлком нежность в прозрачности утра.

Автовокзал в Екатеринбурге большой. Я не знала, куда мне и как: всё впервые. Наугад подошла к водителю междугороднего автобуса, который вальяжно пил кофе из одноразового стаканчика, ожидая время отбытия по своему маршруту. Писательница из Канады произвела впечатление. Сергей, так звали водителя, счастлив был мне помочь. Всё узнал, купил билет и посадил на автобус, который должен довезти меня до моего первого «автостопа».

Водитель автобуса съязвил:

– На заработки?

Я очень удивилась, хотела что-то возразить, но Сергей, который ко мне проникся, так горячо среагировал, что мне ничего объяснять и не пришлось. Спасибо первому Сергею. Отстоял мою безупречную честь.

Для себя решила, что буду путешествовать только с дальнбойщиками, чтобы набраться мощных впечатлений и узнать их поближе, как личности. Всегда привлекали мужественные мужские профессии. Водитель грузовика – вне сомнений мужская профессия. Знаю, что есть женщины, которые легко справляются с «махинами», где кабина в три метра длиной и прицеп в четырнадцать. Только как-то не сочетается у меня женщина и такой подвиг, как дальнбой. И романтика дороги здесь чисто мужская. Длительные сотнекилометровые перегоны по автобанам с многочасовыми «пробками», когда дорога уже и не дорога, а «стиральная доска», когда двадцать тонн груза и вес собственного автомобиля надо постоянно держать в руках, когда водители легковушек – от «навороченных» джипов и до российского автопрома имеют имя «якрутойимневсёпофиг», когда лексикон из рации не поддаётся никакой логике и не сравним ни с одним языком мира, когда пот заликает глаза и вся одежда, «хотьвыжимай», потому что солнце «поджаривает» кабину машины со всей дури, когда спина превращается в сплошную боль от дикого напряжения, когда, доехав до стоянки, тупо сидишь ещё полчаса, чтобы вернуться в реальность, то я не вижу абсолютно никакой, даже малой толики, женского.

Сама люблю странствия. Это генное. Моя прапрабабушка Ефросинья, на которую и похожа, была паломницей. Имея тринадцать детей и единственный стабильный доход от своего мужа – казака, который служил в царской армии двадцать пять лет, она с мешком сухарей за плечами и посохом в руках обошла почти весь мир. Была и у гроба Господня. Из всех южных городов Ефросинья приносила веточки лозы, которые потом росли в виноградниках усадьбы моих предков на Кубани. Из Иерусалима тоже была лоза, которая успешно прижилась и приносила вкуснейшие плоды. На этих виноградах я и выросла. Вероятно, это были волшебные виноградины, которые вместе со своим соком передали мне страсть к путешествиям.

Моё представление о водителях-дальнбойщиках должно было найти своё подтверждение в этих путешествиях или опровергнуть мои наивности.

Автобус ехал недолго, минут тридцать. И вот оно – начало, которое перевернуло мой спокойный и налаженный быт на сто процентов. Окончательно и бесповоротно. Я даже догадываться не могла: какой будет кульбит судьбы. Лукавлю немного. Планируя свой путь, допускала мысль о необычной встрече. Но и только.

Выйдя на стоянке дальнбойщиков, где была ещё и заправка, я поставила свой рюкзак в 16 кг у дороги и отправилась искать попутную машину в сторону Уфы. Грузовиков много, но... Кто-то ещё спал, кому-то в другую сторону. Попутку нашла не скоро. Но нашла.

Белый рефрижератор «MAN». Водитель согласился довезти меня до развилки дорог. Его путь лежал в город Саратов, но он собирался ехать через Пермь. Дорога длиннее, но гораздо комфортнее, чем через Уфу.

Моя следующая остановка тоже намечена в Саратове, но я обещала заехать в гости в Башкирию. Своё слово стараюсь держать. Там меня уже ждали. И я ждала встречи с нетерпением. Мы знакомы через интернет. В селе Субханкулово живёт мой главный бета-ридер – Наталья. Самый – самый помощник в написании моей первой книги. Благодарна ей за то, что прочитав очередной отрывок, Наталья досконально разбирает его по пунктам. Я что-то принимаю и исправляю, что-то оставляю. Но её помощь важна. Очень. Конечно, нам надо увидеться воочию, чтобы поговорить за чашкой чая, глядя друг другу в глаза.

Второго водителя тоже зовут Сергей. Забавный толстячок с «заморочками» в голове. Разговорились о его жизни, о его работе. Разведён и свободен. Жена не любила долго ждать, нашла другого мужчину. Женщинам больше не доверяет. Сергей «женат» на дороге, как он выразился. Есть взрослый сын. Время в пути прошло незаметно: шесть часов в разговорах и рассуждениях. Мне любопытно всё. Ему тоже. Но это, как игра в «верю – не верю».

– Ты из Канады?

– Да.

– Покажи паспорт.

– Зачем?

– Сказать и я могу, что угодно. Удостовериться хочу.

Не показала. Не увидела в этом никакого смысла.

Как говорят, своя рубашка ближе к телу, или он мне так отомстил: высадил на развилке дорог. Не заморочился, что я одна в чистом поле оказалась. Подсказал, где надо встать. Всё. Но и на этом спасибо. Первый опыт состоялся.

Жара дикая. Солнце в зените. Цикады орут. Машины едут мимо. Не помогает и моя табличка с надписью «УФА». Решила отпустить ситуацию и наслаждаться моментом жизни. Другого такого уже не будет никогда. Другие будут. Много и разных. Такого – нет, где я одна под палящим солнцем в ожидании попутной машины до Уфы. Фотографирую облака, цветы. Жду.

Наконец – то, остановился грузовик. Опять белый рефрижератор. И опять «MAN». Водителю со мной по пути до Туймазы. Обрадовалась безмерно. Солнце так испекло меня всю, что сил почти не осталось даже на поднятие рюкзака, но я не сдалась.

В кабине кондиционер. Силы вернулись моментально. Водителя зовут Игорь. Молодой мужчина из Белгорода. Южный говор выдал его происхождение и его проживание.

Он особенно трепетно отнёсся к тому, что я пишу книгу в память о сыне. Игорь и Димка – ровесники. Когда сказала, что книга у меня первая, а вот стихи пишу давно, попросил их почитать. Мнение о моих сочинительствах для меня значимо.

Только читать свои стихи не умею. Чужие, пожалуйста. Свои не могу. Но Игорь слушал так, что я удивилась. Он глубоко вникал в каждый стих и потом думал вслух, рассуждая.

Поразительно, точно, как мой Дмитрий. Случайность? Совпадение? Для меня знак. Сын опять рядом. И беседует со мной через третье лицо.

Не надо меня убеждать, что я сумасшедшая. С психикой всё в порядке. И своего мнения о том, что Дмитрий рядом, не изменю. Особенности мамы, как я, прекрасно поймут. Другим не надо этого понимания.

Игорь рассказывал о себе. О своей жизни: о родителях, сыне, бывшей и нынешней жене. Я слушала его телефонные разговоры с супругой. Он ничуть не стеснялся нежностей. Заботливый муж вникал во все подробности жития жены без него.

Почему не купила себе блузочку, которая так ему нравится, почему не отдыхает, как день прошёл и так далее. Милый ненавязчивый трёп. Ничего плохого о бывшей жене, которая ушла к другому мужчине, потому что влюбилась, не было сказано. Уважаю.

Игорь – романтик. Он показал мне свои любимые места по этому пути. Мы остановились у залитой вечерним солнцем берёзовой роще. Пройдя через неё, оказались на обрыве горы, с которой открывался восхитительный вид на уральские горы. Конечно, всё запечатлела на свой фотоаппарат и на телефон, чтобы потом поделиться красотой со всеми, как обычно. Если бы не мошки и комары, которые кружились тучами возле нас, мы бы стояли долго, любуясь видами природы. В лесу поспела земляника. Ароматная необычайно, а потому и вкусная. Разноцветье и разнотравье в самом разгаре, на Урале выдался тёплый май. Красота и красота.

Наслаждалась увиденным ещё полчаса, пока Игорь разговаривал с товарищем, который остановился около его машины, чтобы перекинуться парой-тройкой фраз, поделиться новостями.

Игорь решил показать все достопримечательности по этой дороге. Да, она не гладкая, а совсем наоборот. Но это не утомляло. Мы интересно беседовали. Иногда экстремальные ситуации почти выбрасывали меня из сиденья, но ремень безопасности держал крепко.

Следующая остановка в Коргазаке. Источник чистой воды с маленьким бассейном, в который можно окунуться и даже поплавать. Игорь, конечно, проплыл, А мой купальник на недостижимой глубине – на самом дне рюкзака. Даже не предполагала, что может возникнуть в нём необходимость. Небольшой водопад добавлял впечатлений. Вода считается лечебной, поэтому людей вокруг много. И взрослых, и детей. Мы набрали воды и поехали дальше.

Третья остановка у глубокой впадины уральских гор, где приютился небольшой город Сим. Мы стояли наверху, почти на самом краешке скалы, чтобы лучше рассмотреть необычно расположенный город. Впечатляло! Непонятно, как там живут, на такой глубине? Но городок живёт и даже неплохо, как сказал Игорь.

Фотографий сделали много. Как мимо такого проехать? Никак. За такую экскурсию Игорю безмерно благодарна. Наши восемь часов путешествия вдвоём пролетели быстро. Игорь решил довезти меня почти до места. Всё складывалось невероятно удачным образом.

Он тоже держал путь в Саратов, но меня уже выехали встречать: Наталья и её муж Салих. Предстояло интересное знакомство в реальности. Мы его ждали обе: и я, и Наталья. В Башкирии ещё не была.

Поздно, почти ночью подъехали к моей остановке. Игорь сдал меня с рук на руки. Спасибо. Точно так поступил бы и мой Дмитрий: не оставил одну на дороге в темноте. Игорю предстоял ещё путь в сотню километров до его стоянки. У всех водителей есть и свои стоянки, и свои кафе по разным маршрутам, где они могут безопасно провести ночь и вкусно по домашнему поесть. Довозя меня до места, Игорь проехал все свои стоянки. Спасибо, Игорь, за отзывчивость и такую доброту к незнакомке.

Наталья и Салих встретили на машине. Салих приехал после напряжённого трудового дня. Оценила.

У них дома меня ждал царский ужин с гусем, шурпой и ещё всякой вкуснятиной. С нами ужинала и сестра Натальи Надя. Сёстры настолько дружны, что можно бесконечно любоваться ими. Слушать их простые и милые разговоры с наслаждением, что я и делала, пока гостила в Башкирии.

Легли спать с Натальей утром: говорили, говорили и говорили. Но и потом поспать нам не пришлось: позвонила Надя и сказала, что баня готова и она нас уже ждёт.

Клубника на завтрак и русская баня в саду, где запах от невероятного количества белых, розовых и бордовых пионов просто одурманивал. Душа и тело отдыхали и наслаждались всем, что мне давалось в тот миг. Банный процесс оказался длинным. Парились берёзовыми вениками. Ароматный пар обжигал тело. Сколько могла – терпела, а потом выбегала на улицу и обливалась холодной водой.

Сестрёнки были ассами в банном деле. У меня же так в первый раз.

Надя замужем за Рамилем, который намного моложе её. Он боготворит свою жену. Увидела. Счастье и любовь в семье, если они есть, не скрыть. Сестры – русские, мужья – татары, и все живут в Башкирии.

Как мне рассказали: в Башкирии живёт много разных национальностей, только башкир мало. Моё впечатление от гостевания у Натальи и Салиха – покой и комфорт. Обычно ко мне все любят ходить в гости и мне надо хлопотать обо всём. Здесь я в гостях. Это оказалось непривычным, но очень приятным. Такая суэта вокруг моей персоны, что мне даже где-то неловко.

Вечером Салих устроил для меня небольшой концерт. Пианино плакало, радовалось, грустило и любило в своих звуках. Высший пилотаж восприятия: «мурашки» начинают бегать по всему телу. Салих играл, а по мне дико скакали «мураши»... Сердце замирало от восторга.

Кто-то кистью облака на небе выписал

И зажгёт от света звёзд все фонари.

Стон рояля... Чёрных клавиш звуки-выстрелы.

Неизбежность. Ничего не говори.

Крах любви. Зачем надрывы и мучения?

Холод губ. И эти руки – зябкий лёд.

Сны-обманы. Невозможность совпадения -

Крест надеждам. Оставайся. Мой полёт.

Отпусти, прошу... Лететь мне птицей вольною.

Не держи меня! Тебе не удержать.

Несомненность бытия. По нервам болью я.

Ты прости меня: не смею больше лгать.

Мне нужны моря и горы, небо синее.

И желанных глаз сияние и свет.

Я хочу любить и быть другим любимой.

Это в прошлом: я и ты. Иного нет.

Строки сложились сразу после этого домашнего, но очень профессионального концерта. В них я прощалась. Не знала ещё с кем, но прощалась. В тот вечер это был только стих, сложившийся от впечатления игры Салиха. Мои стихи иногда опережают события моей жизни. Предсказывают будущее. Уже заметила. Так было не один, не два, много раз. Так и сейчас.

Салих хорошо владеет несколькими музыкальными инструментами: в молодости он был руководителем небольшого оркестра. Теперь играет для души, семьи и друзей. Наталья читала мои стихи. Душевно читала. Мне нравилось. Вот и первая задумка про стихи, начитанные на диск в сопровождении музыки, начинала сбываться как-то сама собой. Тандем Натальи и Салиха вдохновил. Салих даже пообещал написать музыку на какой-нибудь мой стих. Невероятный подарок.

Утром 22 июня Наталья на такси довезла меня до того же места, где они меня и встретили. Прощание было душевным. С надеждой на следующую встречу. Наталья уехала, а я осталась ждать своего очередного грузовика.

Утро было раннее, но уже парило. Мимо проезжало много машин, но почему-то никто не хотел останавливаться. Может не там встала? Перешла поближе к заправке. Сразу остановился грузовичок, который и довёз меня до моей следующей стоянки дальнобоя. Опять повезло.

Водителя зовут Рим. Удивилась такому имени. Объяснить его значение он не смог – не знал. Спокойный и внешне очень симпатичный татарин. Ехали мы около часа, но я всё расспросила про его семью. Рим женат, сын и внуки. Добропорядочная семья. Он про меня кое-что спросил, но стеснялся очень. Выглядело забавно. Смущение перед женщиной или перед писательницей из Канады? Но всем говорю, что я – русская, чем и горжусь, конечно.

Эта стоянка дальнобоя просто измотала. Грузовиков приличное количество. Кто-то ещё спит, кто-то заправляется, кто-то уже выезжает. Но... Попутчиков не находилось. Обошла всех на стоянке, голосовала на дороге. Два грузовика даже остановились, но у них был другой маршрут. Мне катастрофически не везло. Стояла второй час. Результат нулевой.

Солнце начало жёстко припекать, а я всё ещё ждала попутку. Когда решила махнуть на всё рукой и пойти в тень немного отдохнуть от своих бесполезных голосований, около меня неожиданно притормозил огромный «DAF». Когда оказалось, что нам с водителем ещё и по пути до Сызрани, моей радости не было предела. Одно меня одно смутило – его жёлтые очки. Такие очки, умом понимаю, работают, как антифары и как противосолнечные, но ... Жёлтые очки я однажды увидела на любовнице моего первого мужа. Времени прошло достаточно, только неприязнь к таким очкам оказалась стойкой.

Решила не обращать внимания на эту мелочь. Меня забрали с дороги! Это главное. Подняв мой тяжёлый рюкзак в кабину, водитель удивился его весу. Объяснила почему. Как только я устроилась на пассажирском сиденье, водитель сразу спросил, как меня зовут. Неожиданно. Обычно первая спрашивает имя у водителя. «Противные жёлтые очки» набирал бонусы. Имя ему было Сергей.

– Что ни рожа, то Серожа, – пошутил водитель, когда я сказала, что он уже третий Сергей за мой короткий автостоп.

Проехали вместе минут пятнадцать. Утро ещё и Сергей собирался позавтракать в кафе. Пригласил и меня, сказав, что здесь отменная кухня. Но я была так закормлена Натальей, что, даже не позавтракав, пребывала в сытости от вечерней трапезы. «На дорогу» Наталья положила баночку башкирского мёда, несколько маленьких баночек варенья и коробочку свежей клубники. И я отказалась. Сергей пошёл в кафе, сказав, что постарается быстро обернуться.

Ещё бонус. Он оставил меня, совершенно незнакомую ему женщину, которую просто «подобрал» на дороге, в кабине одну. Такое безоговорочное доверие мне? Может проверка? Допускаю. Но ему зачлось. Вернулся сытый и довольный. Тронулись в путь. Я опять много молилась. Чувствовала, что так надо. Моя интуиция.

Чистота в кабине, «ковры» на полу и босые ноги на педалях. Первые два пункта – ещё бонусы в плюс Сергею. А вот то, что третий водитель и опять босиком, меня – таки удивило. Спросила. Всё оказалось просто – так удобнее. Водители – дальнбойщики и зимой не носят обуви.

Третий Сергей оказался очень приятным собеседником. Ехать нам предстояло долго. Очень. Я расспрашивала Сергея о его жизни. Он – вдовец уже восемь лет. Служил в Афгане, в «Войсках Дяди Васи» в штурмовом отряде, но рассказывать об этом не стал. Женился буквально сразу после армии. Девушка была красивая, нравилась, думал, что любовь. Родили двух дочерей. Жили, как все живут. Он работал, жена окончила институт, но была домохозяйкой: воспитывала дочерей и ждала мужа из поездок. На «дальнее» много лет. Страсть к передвижениям, вероятно, от отца-кочевника, который не мог «сидеть» на одном месте больше четырёх-пяти лет. Всё своё детство Сергей, его три брата и сестра путешествовали со своей семьёй, объехав почти всю страну. Отца уже нет, сестры и одного брата тоже. Мама жива и до сих пор держит «хозяйство». Сергею нравится его работа, даже более того: не может долго быть дома, путь-дорога зовёт. Ещё один Сергей, который «женат» на дороге. Восемь лет без женщины – это много. Пятьдесят два – самый благодатный возраст, когда можно разрешить себе жить для себя: дочери выросли, замужем, есть внуки. Все материально обеспечены: квартиры, машины, работа.

Сергей соглашался с тем, что женщин в России больше, чем мужчин, но он не ставил себе цель – найти спутницу жизни, потому что у него есть, для кого жить и о ком заботиться: дочки-внучки. Его телефонные разговоры с дочерьми и старшей внучкой умиляли. Этакое воркование на бытовые темы. Голос Сергея менялся сразу. Слова становились уменьшительно-ласкательными. Не прислушивалась, но всё же невольно слышала. Дочери звонили довольно часто. Внучка была в лагере и докладывала деду о своих наиважнейших событиях: встала, иду умываться, ела в обед вкусные котлеты, наряжаюсь на вечеринку, и у меня нет времени долго с тобой разговаривать. Милый разговор внучки с дедушкой. Бонусы с каждым разом добавлялись.

Жёлтые очки как-то сами собой исчезли. Я осторожно разглядывала Сергея и уже с интересом. Абсолютно мужская внешность: высокий, сильный, жёсткий профиль. Не мой тип, но для женщин он очень привлекателен. В разговоре выяснила, что Сергей начитан, любит романсы, романтичен, хотя пытается это скрыть. Мне было жаль женщину, для которой он предназначен и от которой он так стойко отказывался. Его самого жаль, так как любовь должна быть у такого славного и мужественного человека.

«Свежий ветер избранных пьянил.

С ног сбивал, из мёртвых воскрешал.

Потому что, если не любил,

Значит, ты не жил и не дышал» – пел В.Высоцкий в «Балладе о любви». Правильные слова.

Решила за время нашей достаточно долгой поездки убедить его или хотя бы попытаться как-то внушить, что не надо свою жизнь посвящать только дочкам и внучкам. Сергей на все мои «приставания», в конце концов, среагировал нормально: не встретил женщину по душе, а жить с кем-либо, чтобы просто жить, не хочется. Уже жил так. Всё верно. Я тоже за такие принципы: жить надо с любимыми.

Сергей во время нашей поездки поил меня чаем с малиновым вареньем – его любимым, угощал вкусным копчёным салом из Сибири. После всех таких сближающих моментов, предложила перейти на «ты». Когда мы перестали друг другу «выкаты», наступил вечер. Я и не заметила, как мы буквально проскочили почти восемьсот километров пути. Надо было искать гостиницу, чтобы переночевать. Сергей предложил мне «второй этаж» у него в кабине. Резонно, конечно.

Посомневавшись, согласилась. В машине постоянно, но ненавязчиво играла музыка, и звучали песни. У певицы Наргиз мне нравится одна песня, где есть слова: «Ты – моя нежность, ты – моё небо...». Когда мелодия зазвучала, посмотрела на Сергея. Промелькнувшая мысль меня «царапнула»: между нами что-то происходит.

Доехали до стоянки с баней и душем. Я в душ, Сергей в баню. Вымылась быстро. Здесь в клетке живёт забавный хорёк. Я его фотографировала, отзванивалась друзьям в Ейск, где за меня беспокоились, пока ждала Сергея у гостиницы. Так с ним договорились. Увидев меня, он как-то так помахал мне руками... Такое приветствие обычно только для своих и очень близких. Изумилась. Да-да. Происходит.

Мы вкусно поужинали и стали устраиваться на ночлег: выбрали фильм и Сергей включил телевизор. Он лёг на кровать, я осталась в пассажирском кресле. Какое-то время мы молча смотрели на телодвижения в телевизоре. Уверена, что он, как и я, не отслеживал сюжет фильма и оба не вникали в смысл. Мысли были о другом. Наконец-то, Сергей решился и пригласил меня прилечь к нему рядом.

Боже, я же замужем. Понимаю, что брак у нас с МАХ странный: муж далек от меня во всех смыслах. Любовь, которая должна цементировать семью, отсутствовала. Была ли она вообще? Или я просто сбежала из России, когда мне нужны были кардинальные перемены, вплоть до смены страны? Не изменяла мужу никогда. Может из благодарности к нему, когда в мой тяжёлый период, он сумел меня понять и принять. Может потому, что не появился в моей жизни тот, единственный. Я не знала. Я жила и жила, как жили многие, без любви. Удобно. Спокойно. Надёжно.

Приглашение Сергея поставило в тупик. Однако, минуту поколебавшись и закрыв мысленно, но крепко глаза, прилегла рядом. Некоторое время делали вид, что усиленно смотрим фильм.

Сергей положил мне на талию руку и тут же её убрал, потому что моё тело моментально пробила дрожь. Не понимала себя совсем. Не мой тип, но меня тянуло к нему, как магнитом. И я больше не хотела сопротивляться. После его сумасшедшего поцелуя отключила все чувства, кроме наслаждения. Невероятность происшедшего привела нас обоих в замешательство, но совсем ненадолго. И ночь оказалась слишком короткой для нашей ненасытности.

Утром мы были в шоке от всего, что случилось.

– Это любовь? – немой вопрос, глядя друг другу в глаза.

Но так не бывает. А у нас случилось. Оба боялись осознать, что наш «магнит» сильнее нас и нашей взрослой разумности. Сергей переживал: вдруг я жалею о том, что произошло между нами. Нет, нисколько. Мне с ним было хо-ро-шо. Так спокойно и надёжно было только с Дмитрием, когда он находился дома. В моей жизни был только один мужчина – мой старший сын, который давал такой душевный уют.

Наша случайная встреча с Сергеем обретала черты очень неслучайной закономерности. Кто так постарался, чтобы мы встретились? Вопрос, конечно, риторический. Ответа не будет. Всё уже произошло, что должно, а будет ли продолжение, зависело только от нас двоих.

Через несколько часов мы расстанемся. Сергей довезёт меня до Сызрани, и я поеду дальше по России. Думать о расставании совсем не хотелось. Нам было мало друг друга.

Позавтракали. Ехали дальше почти молча. Печаль от предстоящей разлуки повисла в кабине машины, как дамоклов меч. Так с грустинками и разговорами ни о чём мы проехали большую часть пути до нашей конечной остановки под названием «намнелъзядругбездруга».

Наступило обеденное время. Сергей накормил меня ароматным борщом в домашнем кафе «Макс». Символично даже где-то. А я его фотографировала. Мне уже был не только приятен этот «нусовсемнемой» тип мужчины. Нравилась походка, фигура, рост, низкий голос. Его

глаза цвета виски потухли, но он старался держаться бодрячком. Только меня этим обмануть уже было нельзя. Сергей стал родным и я его чувствовала на клеточном уровне. Мы оба искали повод, чтобы побыть вместе подольше. И, конечно, его нашли. Сергей сказал, что от Москвы, а он ехал на разгрузку в Подольск, трасса более оживлённая и мне будет проще найти попутку до Саратова или до Воронежа. Решение принято, оба с облегчением выдохнули: полдня, ночь и утро – наши. И предстоящая ночь уже волновала наше воображение и наши тела.

Как Сергей мог справляться со своим «DAF» после бессонной ночи, не понимала. Его стохильность в управлении таким монстром поражала. Я могла поспать в кресле, а у него работа. Опасная и напряжённая. Восхищалась молча. Глаза Сергея опять ожили и его «прорвало». Он рассказывал мне про свою жизнь с женой подробно и детально.

– И почему я тебе всё это рассказываю? – произносил он иногда, и повествование продолжалось дальше.

Я смотрела на него, слушала и понимала: сколько нерастраченной мужской любви к женщине скопилось у Сергея за все годы его брака – «жили, как все» и за годы вдовствования, когда даже физически он был один.

Тоже знаю, что такое – одиночество вдвоём. Не единожды, к сожалению. Мужчина интересен, как личность, пока он немного, хоть на полголовы выше меня, не в плане высокого, а в плане внутреннего роста. И мне есть чему у него учиться. Заполучив меня в «моя жена», «моя женщина», мужья – мужчины радостно потирают руки: «моя» и... расслабляются.

Догоняю их быстро. Год-два и всё. Обогнала. О чём говорить, что обсуждать, зачем существовать вместе? Я себя уважаю и горжусь своими достижениями, которых добиваюсь сама и не вижу смысла тянуть сильный пол за уши до своего уровня. Вот и приходится подводить итог совместного пребывания в одном замкнутом пространстве самой, потому что становится неинтересно и скучно вместе. Это те случаи, когда нет любви. Когда есть любовь, тогда всё по-другому. Когда любовь, в любимом не видишь недостатков. Когда любовь, в любимом видишь одни достоинства. Когда любовь, два любимых и любящих человека, как сообщающиеся сосуды, наполняют друг друга. И любящие глаза по сторонам не смотрят в поисках глупых приключений. Им хватает любящих глаз напротив. Не знаю, откуда берётся любовь и как её охарактеризовать словами. Знаю, что только душой и сердцем можно определить: твой ли это человек.

Нам с Сергеем настолько было комфортно во всех отношениях, что он своими словами:

– Я с тобой будто сто лет знаком, – озвучил и мои чувства.

Устала. Беспредельно. Но я не могу определить: какими словами можно описать усталость водителя «DAF» – дикая, невозможная, нечеловеческая? Вероятно, всё вместе и сразу. Бессонная ночь, забитый трафик, взбесившееся солнце, температура была выше всех норм для этого региона России. Стресс, стресс и стресс. Я и теперь могла только предположить и то лишь немного: что такое – «романтика» дальних дорог, так как быть пассажиром и быть водителем многотонного грузовика – категорически несравнимые разности.

Заехали на территорию завода, где и должна была состояться выгрузка утром. На вечернюю опоздали из-за пробок на автобане. Кругом стояли грузовики со всех регионов страны. Не смотря ни на что, наша ночь была великолепной. Ощущения помню, всего остального –

нет, как и прошлой ночью. Я будто проваливаюсь в какой-то колодец наслаждений. Сердце начинает бешено биться, дыхание перехватывает и реальность исчезает. Что это, не знаю. Всё впервые.

И Сергей себе удивлялся:

– Такого у меня даже в юности не было.

На сон осталось не больше двух часов. Не о себе. О Сергее. Вторая почти бессонная ночь. Невероятная выносливость организма. Наш «магнит» беспощадно кидал нас в объятия друг друга раз за разом. А нам было всё мало.

Всё же усталость взяла своё. Мы уснули. Я уже и забыла, как это сладко спать рядом с желанным мужчиной, который и во сне тебя не выпускает из своих объятий.

Час пробуждения наступил мгновенно. Проснулись. Я вышла из кабины. Солнце уже начало горячо ласкать своими лучами. Кругом травы по пояс. Блаженство от всего происходящего со мной и увиденного сейчас. И это на территории завода. Невероятность! Но не удивлялась уже. Наслаждалась.

Вспомнила стих, который написала ещё в 2011 году в марте месяце. Провидение? Предсказание?

Я так хочу отчаянно влюбиться,

Чтоб было всё, как есть, в последний раз.

Не знаю я: когда сиё случится...

Хочу, чтоб летом этим, в ранний час.

И соловьи пусть будут бессердечны.

И солнца луч – шалун и озорник.

В последний раз хочу любви беспечной.

В последний раз, но не в последний миг.

И травы пусть по пояс заплетутся.

В венках пройду по полю и судьбе.

В последний раз пусть слёзы отольются.

В последний раз пусть будет, как во сне.

И пальцы рук так трепетны и нежны.

И поцелуи – лёгких взмах стрекоз.

И, окунувшись в счастье, стану прежней

В томленье ночи, в лепестках из роз.

Объятий кольца пусть не разомкнуться.

Вздых в унисон и стук сердец – набат.

К утру в плечо захочется уткнуться.

Заснуть устало. Звёздочки шуршат.

Всё, что сейчас происходило, описала ещё пять лет назад.

Не знаю, сколько это будет длиться: пока мы едем вместе или всю нашу оставшуюся жизнь... Никто этого знать не может. Сергей и я. Наши с ним судьбы переплелись так, что пока нет возможности их не то, что распутать, нет возможности их даже разорвать. Не хочу ни о чём думать. Я не испытываю чувства вины перед МАХ. Я не хочу загадывать. Я хочу быть в этом моём счастье здесь и сейчас. И это всё!

Выгрузка происходила с небольшими проблемами. Кран сломался. Долго ждали электриков. Сергею надо загрузиться в другом месте до шестнадцати часов. Отправлять меня в ночь с незнакомым водителем он не хотел. По-другому не получалось. И опять судьба давала мне шанс: ехать дальше или остаться с Сергеем и вернуться обратно почти в то же место, откуда он меня и забрал. Сергей не уговаривал. Всё зависело от меня. Но я видела, как он ждал моего решения. И я выбрала ночь с ним. Это была последняя ночь, которую мы могли провести вместе.

Каким счастьем вспыхнули глаза Сергея, когда я сказала:

– Остаюсь с тобой.

А ведь это будет третья бессонная ночь.

Мы уже никуда не торопились, но Сергей старался как можно больше времени сохранить для нашего с ним общения. В очередной раз восхитившись его мастерством управлять таким монстром легко и непринуждённо: на маленьком «пяточке» он мастерски извернул свой грузовик под загрузку, ушла в свои мысли. Все они были о водителе «DAF» и обо мне. Если для себя уже всё решила: не хочу и не буду больше жить с мужем, то Сергей испугался своих чувств, которые ему дарил его судьба. Дочки-внучки. Он привык жить для них. Не для себя. Не собиралась ни на чём настаивать: у каждого свой выбор. У него он тоже был. Свой собственный.

«Задвинула» все проблемы на задний план. Впереди наше с ним время. Последняя наша ночь перед короткой разлукой или с расставанием навсегда. Сейчас это не имело никакого значения. Важно только настоящее.

До стоянки с душем, а он был крайне необходим, жара и пыль сделали своё «грязное» дело на наших телах, ещё не одна сотня километров, когда мы выехали из Подольска.

Вечер пятницы и, как выразился Сергей:

– Коренные москвичи выдвинулись на историческую родину.

Легковушек неисчислимо множество. Машины с московскими номерами «хамили» и «нагнали» на автобане без предела. Было стыдно за такое поведение наполовину моих земляков.

В неадекватных случаях дальнбойщики объединялись и «дружили» против «москвичей», ставя им преграды – заслон из грузовиков на дороге. Такую взаимопомощь «вживую» созерцала впервые. Мощно и слаженно. Впечатляло.

Видела, что Сергей запредельно устал и ведёт машину на «автопилоте». А стоянки с душем всё не было. Стемнело. И, наконец, бегущая строка со словом «душ». Ура! Припарковав своего кормильца, Сергей и я отправились в душ. Вдвоём. В один. Рядом с Сергеем чувствую себя неимоверно защищённой. Он намного выше меня: я уютно умецаюсь к нему под мышку. Стекающая по обнажённым телам вода и нежные поцелуи – сцена из фильма, где главными героями были мы: мужчина и женщина, моментально теряющие голову, как только оказывались рядом. Мой очередной колодец наслаждений. Потом Сергей меня мыл, как маленькую девочку, вплоть до пальчиков на ногах. Фантастика. Я растворялась в его нежности.

Ужинали в кафе. Заказали «долму» разных видов и чешское пиво. И долго наслаждались беседой друг с другом и едой. Мужчины за соседними столиками и обслуживающий персонал завистливо поглядывали на нас: волнами счастья и любви мы невзначай накрывали всех, кто находился рядом с нами в радиусе десяти метров, не меньше.

Последняя ночь перед расставанием. Она была сказочной. Наши отношения за эти три дня и две ночи обрели какую-то определённую. Мы убрали все запреты для себя. Такая открытость – это, как шпага в руке другого, приставленная тобой же к твоему сердцу. Малейшее неверное движение стоящего напротив и шпага проткнёт тебя насквозь. Без права на жизнь. Не игра. Величайшее искусство – Любовь. Даётся не каждому. Избранным. Даётся в награду Всевышним. В этом свято уверена.

Конец мая этого года. Необычное исполнение «Лунной сонаты» Бетховена распыло мою душу. Сложился стих. Сразу. Волнующие аккорды рояля, страстность ударников, рвущее звуки соло гитары и нежность скрипки... Меня накрыло волной раздирающих и щемяще-счастливых ощущений одновременно. Дикий танец огня в груди рвал на куски моё сердце от странно-непонятного и невероятного предчувствия.

Когда чувства на грани, а мы и не вместе.

Когда солнце не светит. Слова « Вот бы... если...».

Когда звуки рояль издаёт так тревожно.
Когда сон на ресницах дрожит. Осторожно.

Когда роза в бокале. Свеча догорает.
Неизбежность любви между адом и раем.

Когда утро приходит неожиданно-негаданно.
Когда, что загадал, исполняется заново.
Когда жизнь второпях. Сумрак ночи. По-быстрому.
Когда срок одиночества на исходе. Всё. Выстою.
Когда память вскрывает закрытости тайные.
Неизбежность любви для безумства свидания.

Когда краски палитры водой в одночасье.
Когда лучиком тонким тихонечко счастье.
Когда шёпот нежнейший – у бабочки крылья.
Когда жажда плотка: «Я с тобой». Ты любима.
Когда радужность света в роскошность одежды.
Неизбежность любви победит твою снежность.

Когда тело трепещет. Сознание уходит.
Когда точно известно: не бывает, не вроде.

Когда руки и губы разнять невозможно.

Когда то, что легко, очень кажется сложным.
Когда разум – не сила, но, конечно, не слабость.
Неизбежность любви – это страстности сладость.

Когда хляби небесные рваными, грозными.
Когда только минор. Одиозность серьёзного.
Когда свежесть листвы забинтует. Затянутся.
Когда мелочь важна. И грустинки улягутся.
Когда ты все дороги с молитвами. Смелая.
Неизбежность любви уязвимою делает.

Когда миг в ожидании превращается в вечность.
Когда звёзды на небе мерцанием в Млечность.
Когда хочется выть в безнадеге томленья.
Когда мысль на разрыв. Взгляд в окно – не виденье.
Когда воля твоя заперта. Заточенье.
Неизбежность любви, как с собою сраженье.

Когда холод пронзает до кончиков пальцев.
Когда зной на дворе. Час пробит. Не расстаться.
Когда хочешь сдержать слёз солёных водицу.
Когда сердце о камни жестоко. Разбиться.

Когда знаешь об этом конце и в начале,
Неизбежность любви нас с тобой обвенчает.

Наш последний совместный завтрак. С моими слезами. Они непроизвольно текли по щекам, капая в чай и делая его деликатесным напитком любви– печали. Вся моя сущность протестовала против такого изуверского для нас обоих действия – расставания. Невыносимо было даже приближать к себе эту мысль. Мы тянули сначала часы, потом минуты изо всех сил, но у Сергея заказ на время. Пришлось-таки решиться и остановиться.

Сергей по рации озвучил просьбу – довезите женщину до Воронежа. Тишина в эфире. Никто не ехал в мою сторону. Вышла из кабины машины и побрела в лес у дороги, потому что там увидела вишни. Спелые и ароматные. Так объяснила Сергею. Сама просто хотела скрыть свои настроения от него и выдохнуть спазм, который опять петлёй по горлу, как тогда с Димкой... Не переношу расставаний.

Мы «с кровью» отрывали себя друг от друга. Еле справившись с собой, вернулась в машину. Теперь в лес пошёл Сергей. Вернулся он нескоро и, подойдя к кабине с моей стороны, протянул полную ладошку лесной клубники. Чудо – чудное, какая она была крупная. Как садовая. Но аромат от неё был лесной. И вкус тоже.

Целый час ещё был нашим. Наконец-то, откликнулся водитель «Scania» – скамеечка, как её называют водители. Он ехал через Тамбов на Воронеж. Всё сложилось, как надо. Сергей донёс мой рюкзак до нового попутного грузовика. Совсем молодой водитель удивился его тяжести. Сергей объяснил.

– О! Канадскую писательницу я ещё не возил, – белозубо улыбаясь, ответил он.

Сергей поцеловал меня в щёку, как мы и договаривались. Всё. Оторвались: я уехала в одну сторону, Сергей в другую.

Водитель оказался на удивление задорным, и звали его Роман, Рома, Ромка.

Роману тридцать лет. Выглядит намного моложе. Года на двадцать два. Свободен, как степной ветер. Девчонки постоянной нет. Наслаждается жизнью. Отслужил армию. Единственный сын у родителей, потомственный дальнбойщик. Живёт под Воронежем. Любит ездить на очень далёкие расстояния: Байкал, Дальний Восток. На буровых Севера был, на кораблях с машиной плавал. До полугода дома не бывает. Просто жуть! А ему интересно – познаёт мир.

Столько удивительных историй про себя и свою юность он мне рассказал, и про детство, конечно, тоже. За рулём чуть ли не с шести лет. Отец всегда брал его с собой в поездки, как только у сына появлялось свободное от учёбы время. Роман сам себе добывал деньги и на такие мелочи, как дискотеки и девчонки, они у него были всегда. Пацаны с улицы играли в этиких Робин Гудов, которые «выхлопывали» богатеньких и обнаглевших армян у них в городе.

Ромка и сейчас полностью обеспечивает себя сам. Строит свой дом и помогает перестраивать родительский. Достойный сын. Они гордятся им. Только вот маму его немного жалко: подолгу не видит единственного сына, который ещё не нагулялся, а потому не женился, а, значит, и внуков пока нет тоже.

Рома о маме с любовью и уважением:

– Мамуля...

Мне приятно это слышать.

Про папу и его дальнобойные похождения Рома этак весело подвёл итог:

– Отжигал папа в молодости по полной. Ох, отжигал...

Без осуждения, но и без снисхождения. Констатация факта.

Я не удержалась и спросила: «

– А мама-то знала?

Рома:

– А то!

Удивилась. Я бы так не смогла, как его мама – знать и прощать. Роман – привлекательный парень с шармом, в папу, как он сказал. Понимаю, что его папе женщины в поездках по стране встречались разные и с разными умыслами. Но я бы не смогла простить. Ни за что и никогда, если бы узнала про «подвиги» мужа. Знаю себя.

Мой Сергей знает теперь об этом тоже.

Ромка своей такой заразительной весёлостью и белозубой улыбкой очень напоминал Димку. Не могла оторвать от него глаз. Много в поведении Романа от сына. Открытость улыбки и задоринка в глазах завораживали. Мой старший опять со мной. Без всяких сомнений.

В кабине у Романа идеальная чистота, как у всех дальнобойщиков, с которыми мне довелось ехать. «Ковры» на полу и занавески в стиле «Короля Людовика»: синие с «золотом». Всё радостное, как и сам водитель этой «Scania».

Ромка угощал меня орешками, читал отрывки из забавных поэм про дальнобойщиков и не только. «Сыпал» такими смешными словами, что я не могла сдержать смех. Балагур. Но всего и не запомнила.

Спросила у него и про «девочек» на дорогах. Перед моим автостопом, меня уверили, что они строем стоят вдоль автобанов. Проехав не одну сотню километров, никого не увидела.

Рома сказал, что у них есть свои определённые места, так называемые «точки». Он рассказал мне байку из своего личного опыта. На одной стоянке, где у «девочек» точка обслуживания клиентов, к нему «подкатила» уже в возрасте проститутка «Шлёпнога». Имя ей дали дальнобойщики, потому что она хромает на одну ногу. Рома снаружи мыл стёкла кабины. Она, увидев это, быстренько к нему прилипла с фирменным вопросом всех «девочек»:

– Не хочет ли он отдохнуть?

Ромка пошутил: сказал ей, что у него нет наличности, но на бартер есть тушёнка.

«Шлёпного» отказалась от такой невыгодной для неё сделки, но... погуляв по стоянке, прихромала обратно с вопросом:

– А какая у тебя тушёнка?

Роман, как и все, уважающие себя водители дальнобоя, брезглив и никогда не подбирает «мусор», как он выразился.

Не могу упустить момент, чтобы не пофилософствовать на тему «девочек» на дорогах и не только на дорогах. Проституция, как заработок, для меня табу. Не понимаю и не принимаю, как можно торговать своим телом, когда всегда можно найти другие способы заработка. И не стоит меня убеждать в том, что в проститутки идут от безысходности. Не думаю, что это единственный выход. Сама прошла безденежье и голод с двумя сыновьями, но никогда не допускала даже мысли: пойти на «панель». За что себя уважаю.

Романа каждый раз, когда он возвращается из поездки, пытаются «окучить» девчонки. Только он ещё не готов. Не нашёл свою единственную, с кем можно рожать детей. Большая ответственность – семья, а потому он и не торопится.

Ромка, смакуя, описывал «потуги» всех своих знакомых девчонок, которые уверены в том, что его можно «сломать» и сделать под себя. Нереально. Даже я это увидела за наше короткое путешествие в один день.

Ещё ему не нравились девчонки-селфи, которые, фотографируя себя, так смешно «пучат» губы. Глупых «Барби» настоящие мужчины не признают: кроме внешности должна быть душа. Достойные рассуждения молодого, но уже такого зрелого мужчины.

С зажигательным юмором были все Ромкины рассказы и монологи. Наш длинный путь в шесть часов превратился в маленький спектакль театра одного актёра.

Ромка так веселил меня всю дорогу своими рассказами, что я и не заметила, как мы проехали Тамбов и уже подъезжали к Воронежу. Тут Ромка увидел машину с краснодарскими номерами. Спросил по радию куда «скамеечка» едет. Оказалось, нам абсолютно по пути. Водитель довезёт меня до Ростова-на-Дону.

Прощались с Ромкой душевно. Обнялись крепко. Обменялись номерами телефонов. На всякий случай. Мало ли что! Всякое в жизни бывает. Он меня тоже сдал с рук на руки.

Водителя следующей «скамеечки» зовут Василий. Это был серьёзный семьянин, который второй год, в буквальном смысле, не выходит из-за руля, потому что нужна квартира. Живёт он в Апшероне с женой, где снимают квартиру. Вторая жена. Про первую не хотел и вспоминать. Нынешняя жена таксует. Тоже зарабатывает денежку в общую копилку.

Когда Василий приезжает на место выгрузки, он не едет домой, ему некогда. Жена сама привозит домашнюю еду, свежее бельё и постиранную одежду. Его решимости жить в машине, пока не накопит средства на свою квартиру, поразила. Не каждый на такое способен.

Он экономил каждую копейку. На платных дорогах договаривался с водителями грузовиков, чтобы проехать в полуметре от них и это было бесплатно: шлагбаум не успеваешь срабатывать. Экономия для грузовика приличная. Его «Scania» в аренде с правом выкупа. Все водители дальнбойщики недовольны тем, что они платят по несколько налогов за одно и то же.

Недавно появился «Платон» – плата за километраж дороги по грузоподъёмности, плюс акцизы на топливо и платные дороги. Платные дороги – это не построенные новые дороги, это просто отрезки дорог, которые перекрыли и поставили на них кассы для взимания денег.

С женой Василий по телефону нежничал. У него интересная внешность. Неординарная. И мудрости в глазах много. Спокоен, как удав. Так говорят про таких. И рассудителен очень. Без проблем содержит пятнадцатилетнюю дочь жены Софийку. Беспокоится о ней. Слышала его разговоры с девочкой. Все дальнбойщики в разговорах с родными начинали ворковать, аки голуби. Это для себя тоже отметила. Бонусы в данном случае набирали все.

Приближалась ночь. Мне нужна была гостиница. Мы с Василием объехали пять стоянок, мест не было. На шестой повезло: остался двухместный номер за грубо высокую цену в каком-то не очень презентабельном мотеле. Водителю надо отдохнуть и я согласилась на драконовскую цену. Сама решила изведать автостоп, к кому претензии? К себе.

Номер с двумя кроватями, с душем. И всё. Жаль, что нет сейчас со мной моего водителя «DAF», моего Сергея, Серёжки, Серенького... Конечно, мне было проще, чем ему в данной ситуации. Наши три! почти бессонные ночи. Я общаюсь с новыми людьми, а он – один, совсем один едет со своими мыслями. Да, столичный он у меня. Поражаюсь. Общаемся с ним по телефону регулярно. Но у меня такая тоска просыпается от его голоса, который негромко и нежно в трубку: «Алёоооо»... Сразу хочется к нему прижаться, ощутить надёжность его сильных рук.

Наш «магнит» тянул нас друг к другу и на расстоянии в несколько сот километров. О каких расстояниях может идти речь, когда в своё правление входит Её Величество Любовь? Настоящая и сумасшедшая, безоговорочная. Километры между любящими сердцами – не преграда, это временное препятствие. Только и всего.

Ранним утром мы с Василием продолжили наш путь. Жанна из Ейска, потерявшая меня на полпути к ним, когда мы не могли оторваться с водителем «DAF» друг от друга, позвонила во время нашего с Василием завтрака в уютном домашнем кафе, где подавали вкуснейшую яичницу и восхитительные блинчики с творогом. Объяснила своей подруге, где нахожусь. Жанна с мужем собирались встретить меня на машине в каком-то, пока мне ещё неизвестном, месте – в станции Староминской. Я пыталась их отговорить, сказав, что доберусь до места на автобусе, так как в Ейск мало кто из дальнбой едет. Впереди был длинный в несколько сот километров путь. Завтракали мы в Богучарах.

Василий неспешно ведёт свой грузовик. Всё по плану. По времени он укладывается. Беседа наша тоже течёт неспешно. Он расспрашивает меня о моём житье за границей, где-то удивляясь, где-то не принимая тот уклад жизни, который ему и незнаком и непонятен.

Говорили о политике. Много говорили. Не первого дальнбойщика не устраивает политика, которую осуществляет правящая партия в России. Снижение уровня жизни, урезание зарплат, нищенские пенсии.

Стыдно за Великую Россию, которая так не любит своих соотечественников. Ко мне – россиянке, в любой стране мира, где я – иностранка, относятся лучше, чем ко мне – россиянке в моей же России. Здесь, дома, в России чувствую себя не совсем человеком, а точнее, совсем «нечеловеком» и «неженщиной».

Чиновники, по сути, обслуживающий персонал, которые должны быть со всеми предельно вежливы и почтительны, их зарплата – это налоги граждан страны, хамят и беспредельничают, пытаясь «опустить» любого гражданина страны до уровня таракана. Это сильно меня возмущает. Очень. Человеческое достоинство в России совсем не уважается. Почему так? Может от того, что люди в России себя не уважают? Грязь, которая везде, замарала и души россиян? Не знаю. Вопрос настолько глубокий, что, если в него уйти с головой, можно, закопавшись, и потонуть. А потому оставляю эту тему для более свободных от своей жизни людей и профи, которые и должны обо всём этом «кричать» на каждом углу, чтобы как-то и что-то изменить в стране.

Василий решил всё же найти мне попутку-грузовик в Ейск. Кинул клич по рации. На удивление тут же откликнулся водитель «MAN». Он ехал в Ейск! Невероятное везение. Просто исключительное. Василий тоже сдал меня с рук на руки, дотащив мой рюкзак до машины.

Водитель на мой вопрос:

– Как зовут? – лихо ответил:

– Лёха.

Вот те раз! Значит, Алексей. Молодой человек 36 лет, который был женат три раза и теперь сам воспитывает дочь. Отец-одиночка. Дочка живёт с папой с четырёх лет. И на днях ей исполнится десять. Удивилась очень. Не встречала в реальности таких пап.

Живут они с дочкой и мамой Лёши в Санкт-Петербурге. Бабушка присматривает за внучкой, пока папа Лёша зарабатывает деньги на жизнь. У Лёши есть ещё сын от первого брака. Далёко в Сибири. Но не видятся они не по этой причине, по другой: мама категорически против общения сына с папой. Глупость невероятная. Почему сын должен страдать от отсутствия мужского воспитания, если папа адекватный и может ему дать то мужское, которое никогда не сможет дать мать? У любого ребёнка должны быть оба родителя: и мама, и папа. Сына Алексей содержит. Уважаю, когда папы не отказываются от своих детей, потому что не пожилось с женщиной, которая и подарила ему ребёнка. Обстоятельства бывают всякими. Это допускаю однозначно.

Лёша окончил военное училище, и какое-то время служил в армии. Но, когда в России начался очередной кризис, армия оказалась на «дне», и он оставил службу. Не все сослуживцы последовали его примеру. Кто-то остался в армии и добился неплохих успехов, о них Алексей рассказывал с гордостью, без толики зависти. Кто-то погиб на боевом посту, о них Алексей рассказывал тоже с гордостью, но печаль жёстко рвала на куски его повествование. Видела не глазами, сердцем. Так тонко чувствовать может только зрелый мужчина, понимающий смысл своей судьбы и жизни, вообще, в целом.

Лёша доволен собой. Не жалеет ни о чём. Удивительный парень, который невероятно счастлив тем, что у него дочь. А как любит её! Дочка тоже беспредельно любит своего папу и не очень-то стремится быть с мамой, у которой другая семья и есть маленький сын. Без особого удовольствия дочка едет к маме на пару недель. А дня через два звонит папе и просит забрать её домой. Респект такому папе. Алексей при каждом удобном случае берёт с собой дочку в поездки. А той нравится путешествовать так необычно, да ещё с папой. Редкий случай и я о нём знаю из первых уст.

Сейчас Лёшка в процессе развода. Конфликт возник на почве детей. У нынешней его жены двое своих детей: мальчик и девочка. К его дочери она как-то прохладно относится, когда Алексей в поездках, где и зарабатывает деньги, чтобы обеспечить полностью всю семью, не деля детей на «своих-чужих».

Как порядочный мужчина, Алексей сразу женится. Я в «восторге»: тридцать шесть лет и уже три брака! После развода решил не жениться. Но, жизнь длинная. А он – молодой, симпатичный... Не стоит зарекаться. Всё будет, как должно.

Сын Алексей трепетно относится к своей маме:

– Мамулечка, мамулька...

Все слова о маме только с теплом, только с нежностью и только с любовью. Один в один слова моего Димки. Слезы каплями повисли на ресницах. Отвернулась, чтобы смахнуть.

Именно Алексей стал последним водителем в моём путешествии в три тысячи с лишним километров. От него исходила такая душевность и сердечность, что и я грелась этим светом, который был предназначен совсем не мне. Так его, этого света доброты, было предостаточно. Спасибо, Лёха. Я – тоже мама, только без сыновей. Без старшего. Без младшего. Так случилось в моей жизни.

Алексей – один большой позитив, только уже осознавший всю степень ответственности за всех своих родных. Мужчина, сын, отец. Папа у Лёхи тоже есть, только живёт не с его мамой, один. Прожив почти тридцать лет вместе, родители разошлись. Отец влюбился в молодую женщину и ушёл к ней. Прожил с молодой женой недолго. Та прыгнула на колени к другому мужчине. Отец живёт в Казани. Лёшка часто у него бывает. Сын хотел помирить родителей. Не получилось. Сначала мама не захотела простить отца. Потом отец передумал мириться. Вот так и живут порознь и поодиночке. Зачем?

Откровенность всех водителей, с кем пришлось общаться, меня несколько озадачивала и радовала одновременно. Хотя, случайные попутчики всегда располагают к откровенности потому, что они сегодня есть, а завтра будут далеко и уже никогда не попадутся на пути ещё раз. Вероятность новой встречи равняется нулю. Только все «мои» водители знали, что я о них буду писать, и номера их телефонов у меня есть.

В каждом из молодых водителей: Игоре, Ромке, Лёшке видела черты своего старшего сына. Какая-то восхитительная неизбежность происходила на протяжении всего моего автостопа и приводила в изумление с каждым разом всё больше и больше. Не зря придумала это приключение для себя, как бы подводя итог всем своим десяти годам жизни без Дмитрия.

Сын постоянно находился рядом, «прикасаясь» ко мне: то словами, то чертами лица, то манерой поведения его нынешних ровесников – молодых водителей дальнобойщиков. Всё было значимо и всё имело смысл. Огромный и наиважнейший. Ещё я уверилась и в том, что приняла правильное решение, когда начала писать эту книгу.

Чужие судьбы касались меня разными своими гранями: радостью, болью, счастьем, печалью. Мне нравилось то, чем сейчас занимаюсь. Слушаю и впитываю. Доверие «моих» водителей я ценила. Всем моя искренняя признательность.

С Лёшей мы так увлеклись беседой, что проехали немного дальше, чем надо было.

Алексей в предвкушении того, что впервые искупается в море. Плавать он любит очень. Немного жалел, что не взял дочку с собой, она тоже не видела море. Но у дочери завтра день рождения. Уже заказано кафе, где она и будет отмечать своё первое десятилетие.

Мы обменялись телефонами, пожелали друг другу всего. Я от души поблагодарила его за поездку. Вот на этом и расстались. Он высадил меня на заправке, а сам «полетел» на встречу с морем и к наслаждению от предстоящего удовольствия.

Ночные купания в море, когда звёзды ярко светят, а волны тихонько бьются о берег и шепчутся, перебирая камушки и ракушки, романтичны. Погода стоит жаркая, а значит, море будет тёплым всю ночь. Счастливого первого свидания с морем, Лёха!

Жанна и Саша подъехали быстро. Я с ними будто и не расставалась совсем. Такие они мне свои и родные. Бывает так, что кровные отношения не такие сердечные, как дружеские. Это как раз тот случай.

Дома у Жанны и Саши меня ждал ужин с вином. Говорили долго-долго.

Первая ночь на новом месте была без снов, хотя я уснула с мыслями о своём Сереньком. Так скучала без него. Он тоже. Слышала по голосу.

Сергей после нашего расставания постоянно пытался «закрыть» свои чувства. Не столько от меня, сколько от себя. Невероятно– неизведанное его пугало. Он привык жить для других, не думая о себе. А тут подарок. Личный. И Сергей потерялся. Он даже себе боялся признаться, что это судьба. Никак не меньше. Одна судьба на двоих.

Рассуждая о нашей с Сергеем встрече, ужасалась тому, что мы могли фатально разминуться и никогда не встретиться. НИКОГДА! Как же я ненавижу это слово.

Обречённо – жестокое слово.

Не исправить его. Не забыть.

Не смягчить – оно снежно – сурово.

Не убрать его. Не полюбить.

НИКОГДА мне тебя не увидеть.

НИКОГДА не замкнуть в кольца рук.

НИКОГДА мне тебя не обидеть.

НИКОГДА мне тебя не вернуть.

Перед этим судьбы приговором

Невозможно в себе устоять.

И глаза эти с мягким укором...

НИКОГДА. НИКОГДА? НИКОГДА!

Этот стих написала своему старшему сыну ещё в сентябре 2007 года, когда моя рана от боли потери обильно кровоточила. С тех пор не переносу это слово. Никогда. В таких значениях.

Водитель «DAF» предпочитал не брать попутчиков. И он не изменял своим принципам. Почему остановился и забрал меня? Вот этого он и сам себе объяснить не мог.

Наша встреча была предопределена кем-то свыше. Иначе мы бы НИКОГДА не встретились. Настолько живём в разных мирах.

Каждый вечер и каждое утро благодарю Бога в своих молитвах за то, что сейчас имею. Теперь моя благодарность многократно выросла – за моего Серенького. Мне нравится так называть Сергея, а ему нравится, что я его так называю.

Как же нам хорошо вместе. Даже когда разговариваем по телефону по два-три-четыре раза за день. Представить не могу, как жила без него и без любви все эти годы.

В нашей жизни случилось чудо.

Неожиданно. И с небес.

Не ждала уже ниоткуда...

Заплясал в глазах чёртик-бес.

А слова твои где-то строги,

Но на душу елей-дурман.

И сомкнулись в кольцо дороги...

Не надейся: я не отдам.

Не позволю молве и року

Даже краешек надломить.

Как же я благодарна Богу,

Что могу только ТАК любить.

И не думаю, что возможно

Отказаться нам от себя.

Всё случилось неосторожно.

Обвенчали нас ночь и заря.

Утром следующего дня отправила МАХ сообщение:

– Прости, прости, прости. Случилось чудо. Любовь. Нас притянуло магнитом друг к другу. Мы не могли сопротивляться и не хотели. Три ночи и четыре дня сказки изменили нашу жизнь. Жду твоего решения. Ирина.

Теперь поняла: в своём стихотворении, которое написала в Башкирии, я прощалась с МАХ. Обманывать своего мужа не хотела, но и жить с ним, после всего случившегося, тоже.

Отпустила ситуацию и стала ждать ответ. Сергей тоже. Он пытался мне внушить, что я поторопилась сообщить мужу о нас с ним. Серенький пока не уверен ни в чём: у него дочери-внучки. А тут на голову «свалилась» я. Любовь ко мне стаскивала с накатанной колеи в кювет. Поневоле можно растеряться. Только я предпочла честность лжи: как могу лечь в одну постель с мужчиной, которого не люблю и просто благодарна ему, после ночей любви с желанным мужчиной? Для меня это запредельность. Развод – неприятная процедура, и я не знаю, как это происходит в Канаде. Но... глаза боятся, а руки делают.

Кто-то кистью облака по небу выписал.

И зажёт от света звёзд все фонари.

Стон рояля... Чёрных клавиш звуки-выстрелы.

Неизбежность. Ничего не говори.

Крах любви. Зачем надрывы и мучения?

Холод губ. И эти руки – зябкий лёд?

Сны – обманы. Невозможность совпадения -

Крест надеждам. Оставайся, мой полёт.

Отпусти, прошу... Лететь мне птицей вольною.

Не держи меня! Тебе не удержать.

Несомненность бытия. По нервам болью я.

Ты прости меня: не смею больше лгать.

Мне нужны моря и горы, небо синее.

И желанных глаз сияние и свет.

Я хочу любить и быть другим любимой.

Это в прошлом: я и ты. Иного нет.

Мой старший сын всегда хотел, чтобы я была счастливой. Сейчас я счастлива. Воспоминания о наших четырёх днях и трёх ночах с Сергеем не давали мне покоя ни днём, но ночью. Я хотела быть рядом с ним всегда. Но никоим образом не «давила» на него. Его решение должно быть принято самим. Не иначе.

Жанна с Сашей отправлялись в Санкт-Петербург на три дня по делам. Конечно, никак не могла отказаться от такого случая – побывать в Питере летом. Путешествие на машине предстояло через Москву. У Сергея, как нельзя лучше, тут же тоже образовался рейс туда же: в столицу нашей родины. Правда, он совсем не успел отдохнуть от предыдущей командировки: приехал-разгрузился, вечер дома, а утром снова погрузка и в путь. Но возможность нашей встречи, вероятно, придала ему силы.

Всё больше и больше я удивлялась ему – моему любимому Серёжке Сморгину. Так записан в моём телефоне. Он изо всех сил сопротивлялся своим чувствам, но при этом делал всё, чтобы они его победили. Этакая игра в «поддавки». На моё счастье. Я не мешала его игре с самим собой. Отдалась своим чувствам и наслаждалась каждым нашим с ним общением.

Море. Ещё одно море в моей жизни. Теперь уже Азовское. Какое оно тёплое и совсем неглубокое у берега. Азовское море разительно отличалось от всех других. И это замечательно. Люблю познавать и узнавать всё новое, потому что научилась любить мир и готова была учиться дальше.

Постоянная моя спутница – боль по сыну уже была приручена. Могла ею, практически всегда, управлять, кроме исключительных случаев, когда боль становилась дикой и вырывалась из-под моего контроля. Здесь я была бессильна. В этих случаях, позволяла ей себя кромсать и вскрывать мои раны, которые, хоть немного, но затягивались.

Благодарна Сергею, что он «не лезет ко мне под кожу» с расспросами о моей жизни и, особенно, о моём старшем сыне. Придёт время и я сама всё, что посчитаю нужным, расскажу. Интеллигентность в Сергее была заложена при рождении.

30 июня мы выехали в путь-дорожку почти в 2 тысячи километров. Конечный пункт – Санкт-Петербург. Саша и Жанна сменяли друг друга за рулем.

Жара. Я с двумя детьми на заднем сидении: Родион – сын Жанны от первого брака и Вика – дочка Саши от первого брака. Родиону четырнадцать, он учится в кадетском корпусе. Подросток в переходном возрасте. Вика – ровесница Яны – моей внучки, ей десять. Детям был скучен длинный путь, но я пыталась их развлекать. Они учились говорить по-английски. Им нравилось. Особенно. Родиону.

Сергей звонил, спрашивал, где мы едем. Мы оба надеялись на нашу встречу сегодня вечером или завтра утром.

Но всё пошло против нас. У него с выгрузкой-погрузкой, у нас с маршрутом. К вечеру мы оказались далеко друг от друга. Сто километров фатально нас разделили. Я, конечно, расстроилась, а потому заснула, чтобы скрыть свои эмоции.

Разбудила меня Жанна:

– Звони Сергею, узнавай адрес, где он стоит, мы заблудились. До него осталось тридцать километров.

Вот это подарок! Не зря я молилась.

Была глубокая ночь, второй час. Пока разобрались с адресом, прошло ещё время. Договорились, что Сергей будет нас ждать на заправке, до которой ему пешком 1,7 км. Жанна сказала, что это далеко и нам придётся Сергея ждать. Как она ошибалась!

Когда мы подъехали, Сергей уже был на заправке. Каким образом за десять минут он туда домчал, нам всем было непонятно. Вероятно, «на крыльях любви». Другим способом невозможно.

Моим друзьям нужна гостиница. Сергей нашёл женщину, которая их на своей машине и проводила до места. Жанна потом сказала, что сами они эту гостиницу не нашли бы. Спасибо отзывчивой женщине. Есть ещё доброта на земле.

Мы помахали всем вслед, а сами отправились в нашу «гостиницу» – кабину «DAF». Обратная дорога оказалась длинной: через каждые два метра мы целовались. Я вставала на цыпочки, чтобы дотянуться до Сергея. Как же мне это нравилось: и высокий рост, и поцелуи. В этом мужчине импонировало абсолютно всё. Ничего не раздражало. И ничего не отторгало. Да, такого со мной ещё не было.

В «доме» Сергея всё знакомо. Зашторив окна, и, оказавшись опять рядом, мы отдали себя во власть любви. Пять дней и пять ночей разлуки. Наша страсть оказалась ненасытной.

Времени оставалась невозможная малость. Третий час ночи. В шесть утра я должна отправляться дальше в Питер. Сергей, который совсем не любил целоваться, как он сказал, зацеловывал меня. По всему телу «порхали бабочки и стрекозы», и я раз за разом падала в свой колодец наслаждений. Нас совсем не смущали грузовики, стоявшие рядом с нашим «домом». Мы их не замечали. Не могу с уверенностью сказать о них то же самое.

Как же быстро прошло время. Звонка от ребят ещё не было, но даже немного поспать Сергею не пришлось. В шесть утра начались звонки от дочерей. Девочки совсем не заморачивались тем, чтобы соотнести уральское время, где они живут и московское, где находится их папа. «Игра в любовь» была в одни ворота. Отметила, но не стала делать поспешных выводов. Я с ними не знакома и совсем их не знаю.

Время нашего отъезда перенесли на семь часов. Мы успевали с Сергеем выпить по кружке чая с его любимым малиновым вареньем. В дорогу Сергей собрал «гостинцы» – разные сорта сала. Оно нравилось всем, даже детям, что для меня крайне необычно.

Расставание было трудным, но быстрым. Мы прошли до заправки наши 1,7 км, тесно прижавшись. Лёгкий поцелуй в губы – последний перед нашей разлукой. Мы не знали, когда судьба нам снова сделает подарок. Я была счастлива безоговорочно. Жанна это отметила. Глаза у меня сияли.

Впереди ещё долгий путь и я могу выспаться, а мой Серенький опять за руль своего кормильца – «DAF». Но и он был бесконечно счастлив, а значит, «всё будет красиво», выражаясь его словами. Наконец-то, я чувствовала себя женщиной – желанной и любимой. Первый раз за много лет моего одиночества вдвоём. Сердце замирало от всего. От происшедшего. От происходившего. И от того, что ещё произойдёт. Ни на минуту уже не сомневалось: водитель этого «DAF» – мой мужчина, как и я – его женщина.

В один из красивейших городов мира приехали вечером. Я спала всю дорогу. Просыпалась и опять засыпала с воспоминаниями о коротюсенькой встрече, мечтая о нашем будущем.

Город встретил пустыми дорогами и жарой. Немного поплутав, подъехали к дому на Невском проспекте, где сняли на четыре дня квартиру. Хозяйка была радушной. Квартира интересной по планировке и находилась в центре. Друг другом остались довольны. Расшаркались. Расстались.

Утром следующего дня я, проведив красивую Жанну с верным ей Сашей на учёбу, подняла детей и накормила их завтраком. Впереди насыщенный день: Дворцовая площадь, Исаакиевский собор, улицы и мосты Питера и Петропавловская крепость.

Моему Серёжке нравится Питер, где он уже неоднократно был. Любит Петропавловку и настоятельно рекомендовал мне сводить туда моих подопечных: Родиона и Вику. Дети поклялись не хныкать и переносить стойко все тяготы этого дня: жару, небывалую для Северной столицы, многочисленные пешие переходы и невероятное количество объектов для восприятия – неужели напрасно мы проделали такой сложно-долгий путь?

На автобусе от площади Александра Невского я с детьми доехала до Дворцовой площади, где всё впечатляло своей помпезной красотой. Под очень ярко – жарким солнцем на зданиях и сооружениях «горела» лепнина петровского барокко. Дворцовая площадь в «парадно-бальной» гамме. Белоснежность ослепляла. «Александрейский столп», как его назвал А.Пушкин, гордо возвеличивался в центре. Триумфальная арка с колесницей наверху приковывала взгляд, как любая другая Триумфальная арка в любой другой столице мира, что мне довелось самой увидеть: Москва, Берлин, Париж. Дух захватывало от всего, открывшегося глазам. Однозначно, мы были в Питере, как все его называют. Город Петра готов показать нам всё своё

великолепие, а мы готовы впитывать это. Дети были в восторге и в предвкушении. Посмотрю, как они сдержат свою клятву.

Родион взял на себя роль мужчины в нашей маленькой компании, что было неожиданно приятно. Получив карту в подарок от гида по Питеру, воспитанник Ейского казачьего кадетского корпуса оказался толковым штурманом. Вместе наметили маршрут.

Первой достопримечательностью был Исаакиевский собор. Своим впечатляющим и доминантным величием Исаакий мощно возвышался над всеми многочисленными туристами. Их неисчислимое количество со всех стран мира, о чём свидетельствовал разноязыкий гомон, витающий в горячем воздухе около исполина. Решили не заходить внутрь собора, так как времени было не очень много, а объектов – «этонадовидетьобязательно» предостаточно.

«Медный всадник» приветствовал всех, кто к нему приближался. Желающих сфотографироваться на фоне Петра много. Образовалась даже небольшая очередь. Мы, конечно, тоже удачно зафиксировали себя на фото.

Путь в Петропавловскую крепость лежал через реки: Малую Неву и Большую Неву. Мы медленно шли по красивейшей исторической набережной, где все здания были из давнего прошлого. Глаза радовались, а в душе у меня звучали свирели. Немного завидовала парочкам, которые уютно устроившись в объятия друг друга, безмятежно целовались или молча сидели, созерцая окружающий их мир, не замечая его. Мои грустинки были по двум причинам: рядом со мной не было моего любимого старшего сына Митяши и рядом со мной не было моего Сергея-Серёжки. Двух моих любимых мужчин. Не хочу вспоминать о младшем сыне. Устала от его жестокой глупости. Всему наступает предел. Безусловной и всепрощающей материнской любви тоже.

Родион и Вика «дурели» от возможностей и моих им вседозволенностей. Разрешила, в пределах разумного, «облазить» все памятники, что попадутся нам на пути. Скульптуры Львов невозмутимо терпели неугомонных наездников на своих спинах. «Пётр Первый», который уютно расположился на небольшом постаменте и сосредоточенно увлечён строительством корабля, снисходительно не замечал туристов, которые атаковали его раз за разом, хватая за руки, за ноги и даже за голову. Царская милость памятника.

И здесь, на набережной, мы сфотографировались «в каждом углу».

Не помню, кто из детей заметил корабельный столб, который стоял в воде на некотором расстоянии от парапета и увидел там монетки. Решили, что этот столб предназначен для загадывания желаний. Разделила всю мелочь, что была, на три части. У меня тоже были желания. И соревнования начались: у кого больше монеток останется на столбе. Вика бесспорно выигрывала. Но потом счёт стал ровным: все оставили на столбе по две монетки. Одно моё желание навсегда останется невыполненным: никогда не смогу обнять своего старшего сына. Второе вполне выполнимое – я хочу быть счастливой. Мужчина для этого кардинального изменения моей жизни реален: Сергей. Один-единственный. Разочарований больше не хотелось. Совсем. Я молилась.

По воде шустро сновали кораблики-пароходики и вальяжно «шли» корабли-пароходы, провозя туристов и отдыхающих. Солнце грело «по-взрослому», что удивительно для этого города. Дети держали свою клятву. Стон не слышала.

Скульптуры Посейдона и всех его слуг, якоря, якорные цепи-атрибуты морского города. Куда только мои подопечные не забирались. Вика никак не хотела уступать Родиону. Дух соперничества загонял их на такие, мной разрешённые высоты, что я поражалась их прыткости и ловкости. Обезьянки, да и только. Моё детство тоже проходило в познании окружающего меня мира и в путешествиях, с родителями и без. Мои сыновья, естественно, не были обделены этим также, поэтому я великодушно позволяла и Родиону, и Вике совершать свои маленькие «путевые подвиги».

Огромный старинный корабль, стоящий внизу, который не заметить было нельзя, впечатлял. Тёмные доски и «золото» отделки, мощные мачты, достающие прямо до неба, и спущенные паруса, ожидающие попутного ветра. Маленький кусочек повести А. Грина «Ассоль». Сказка потеряла свою тайну, как только подошла поближе к кораблю. Рразвлекательный центр с тренажёрным залом.

В Петропавловскую крепость зашли со стороны вертолётной площадки. У детей дикий восторг: с площадки поднимался вертолёт. Настоящий.

Петропавловский собор сверкал на солнце своей позолотой. Ошеломительное впечатление от высоты в 122 метра, строгости и красоты одновременно. Туристы, туристы, туристы. Группами, парами, одиночками. Можно услышать все языки мира. Мы прислушивались к говору и угадывали: who is who? Кто есть кто? Детям нравилась игра.

Купив единые билеты на все экскурсии, отправились на осмотр всего, на что хватит сил.

Петропавловский собор, возведённый во имя Святых Апостолов Петра и Павла, с усыпальницей императоров, является памятником архитектуры петровского барокко. Великолепие внутреннего убранства храма изумило: росписи, лепнина с позолотой, кованные решётки, мраморные усыпальницы, невероятные хрустальные люстры. Хотелось запечатлеть каждый кусочек этой завораживающей красоты. Не могла оторваться от всего этого: фотоаппарат «щёлкал» и «щёлкал». Первый подвиг детей – терпение, совершён. Я им благодарна.

Родион «загорелся» высотой храма. За определённую сумму можно подняться на определённую высоту колокольни. Мы с Викой его поддержали и тоже решили покорить эти сорок два дозволенных метра. Лестницы узкие, даже двум людям здесь сложно разойтись. Колокола всюду. Карильон – музыкальный инструмент, состоящий из колоколов и клавишного инструмента. Первый был установлен ещё при Петре Первом. Современный карильон состоит из пятидесяти одного колокола и весит двадцать пять тонн. Вот за эти карильоны и их фрагменты взгляд и цеплялся.

Открывшийся сверху вид на крепость и на Неву покорило воображение. На маленькой площадке многолюдно, как и везде. Ждём своей очереди, чтобы сфотографироваться и запечатлеть то, что видели сами.

«Взлёт» по лестнице и спуск обратно дети совершили, практически, на одной скорости, соревнуясь друг с другом. Я только «за». Помнила своё волшебное детство.

Забавно, но детям понравились страшилки. В музей средневековых орудий для пыток не пошла, но вот в Музей тюрьмы Трубецкого бастиона мы пошли.

Два этажа многочисленных камер обошли два раза. Каждая камера досконально исследована. Поразительно. Родион – мальчик, тут всё понятно, но и Вике любопытна каждая мелочь.

Посидели все вместе в тёмном карцере. Тяжести от посещения этого мрачного места, где должен витать только злобный дух ярости здешних сидельцев: декабристов, народовольцев, петрашевцев, не почувствовала. Весь негатив растащили туристы, да и ремонт придал тюрьме благопристойный вид.

В Комендантском доме состоялся второй подвиг: мужество – при осмотре невероятного количества экспонатов. Одолели. Правда, Вика уже садилась на шпагат от однообразной ходьбы по комнатам. Так себя развлекала. Родион в каждой комнате старался выслушать очередной рассказ о городе или новости XIX века. Аппараты старинные. История его интересовала. Браво.

В этом домике Коменданта меня восхитили вышивки бисером. Изящная ручная работа: кошельки, трубки курительные и, особенно, маленькие щёточки для чистки одежды. Умиленное зрелище. Японцев и арабов, что роились возле меня, тоже завлекло не на шутку. Оторваться не могли. Возгласы восхищения и цокание языками. Забавно.

Несколько комнат заполнены антикварной мебелью и утварью: стулья, буфеты, шкафы, столы, часы, зеркала. О, моя любимая тема.

Сфотографировала всё, что понравилось. Ходила по кругу вокруг «лакомства» для моих глаз. Дети мне дали время. Они ушли смотреть раритетный транспорт.

В очередной комнате, где была представлена та часть бытия петербуржцев, которая касалась общественной еды: рестораны, кондитерские, увидела меню одного из ресторанов.

«26 ноября 1886 года – суп из черепахи

из цыплёнка

пирожки

стерлядь паровая»...

Поразило число, которое было, написано в меню. 26 ноября день рождения Сергея.

Фантастическая непредсказуемость случайностей, переходящая в закономерность продолжалась. Маленькие знаки, как маленькие шажки к счастью, которое обязательно должно случиться. Навсегда. И очень скоро.

После комендантского домика мы зашли ещё в небольшой музей «Невская куртина» с экспозицией истории Петропавловской крепости. Вот тут, страшно уставшая Вика, наконец взмолилась о пощаде. Родион ещё собрался сгонять на пару объектов. Крейсер Аврору посмотреть и на Троицкое поле.

Я тоже утомилась изрядно, а потому решила встретиться с подругой Аллой, с которой не виделись не одно десятилетие.

Присели в парке, где находятся маленькие копии самых известных архитектурных памятников Санкт-Петербурга. На горе Родиону, парк был закрыт. А нам с Викой комфортно сидеть на скамейке, вытянув ноги. И всё! Алла должна была нас найти здесь. Она живёт недалеко от этого парка, на Петроградке.

Моя подруга подошла сбоку с фразой:

– Такие причёски носят только дизайнеры. Я тебя по ней и опознала.

Во как! Приятно. В принципе, обе почти не изменились. Может самую малость. На наше с Викой везение Алла сказала, что крейсер Аврора на реставрации, а по Троицкому полю мы пройдем. Через него лежал путь на остановку автобуса в сторону нашего временного дома.

Пригласила подругу в гости. Хотелось поболтать обо всём. Димку моего она знала с детства и хорошо его помнила. Я дорожила каждым человеком, кто хоть как-то был связан с моим старшим сыном. Прикасаясь к памяти о старшем сыне, становилось тепло на душе даже от такой малости.

Ехали довольно долго. Мы с Аллой беседовали, а дети отдыхали. Автобус полупустой. Дома Вика ожила. Родион слегка разочарован тем, что по плану не досмотрели важный объект – «Крейсер Аврора».

Мы с подругой пили чай с малиновым вареньем от Сергея и говорили, говорили, говорили.

Поздний вечер подкрался неожиданно – в Питере сейчас белые ночи. У Аллы живут подопечные кошки, которых надо кормить по расписанию. Время подходило. Я проводила её до остановки автобуса. Обнялись крепко, предварительно договорившись о следующей встрече. Столько лет между нами... И столько тем, которые интересны обеим.

В Питере живёт моя одноклассница, с которой мы «неразлучно» дружили в школе. Она для меня так и не нашла времени: суббота и воскресенье заняты, хотя предупредила заранее о том, что буду в Питере только три дня. Но и в понедельник она даже не позвонила. Обид нет. Делаю выводы. Жизнь продолжается.

В Питере живёт ещё один мой одноклассник – Мишка Крысов. С ним мы тоже, к сожалению, не свиделись, он работает много и допоздна. Но Мишка, как всегда сделал мне подарок. Его единственная дочка Арина, которой он безмерно гордится и безумно любит, один из лучших гидов Санкт – Петербурга. Она по просьбе папы провела для нас замечательно-познавательную экскурсию по необычным петербургским дворикам. Во второй день в Санкт-Петербурге.

Родители ушли на учёбу, а я с детьми «познавать «и «впитывать». Жара была всё также немилосердна к нам.

Арина оказалась аристократически тоненькой блондинкой. Она так увлекательно рассказывала про свой родной город, что не заслушаться нельзя.

Два часа по дворикам и улочкам, при такой «дикой» для Санкт-Петербурга жаре в тридцать девять градусов в тени, прошли как-то незаметно. Мы увидели памятник трубочисту, узнав: для чего эти верхолазы носили цилиндры. Всё элементарно: защитить голову от удара всяких неожиданных камешков или чего другого. Заодно и инструмент какой-никакой сложить, чтобы под рукой был. Вернее, под цилиндром.

Рассматривали самый красивый доходный дом. Он настолько необычен своей расписной майоликой, что просто загляденье. Необычная площадь пяти углов с её «архитектурно-навороченными» домами. Немного историй о писателях: Ф. Достоевском, И. Бунине, Л.Гумилёве, А.Куприне, А.Радищеве, С. Довлатове. Названия переулков: свечной, графский, поварской, говорили сами за себя. История живёт во всём старом городе. Искренне поблагодарив Арину, мы расстались. Фотографий этого города прибавилось в разы.

Владимирский собор и церковный сад при нём мы исследовали самостоятельно. Все храмы впечатляют. «Золото» сверкает, как сто солнц – глазам больно, а белизна идеальная.

Второй день для меня стал более тяжёлым. Физическая усталость от первого дня и грандиозный масштаб информации сказались-таки. Дети оказались более стойкими. Ещё те «оловянные солдатики» о двух ногах.

Решила пройти до нашей снимаемой квартиры пешком по Невскому проспекту, чтобы не терять часы прожития впустую в этой поразительной красоте и, конечно, всё сохранить на снимках. Питерское метро меня не вдохновило. Самое-самое по красоте всё же московское. Может это моё предвзятое мнение, как москальки?

Ночью запланировали поехать на разведение мостов. Быть в Санкт-Петербурге и не увидеть такое действо? Не бывать такому.

Надо своевременно занять место у парапета, потому что желающих увидеть чудо чудное всегда предостаточно. Дети всё же уснули. Будить их мы не решились. Поехали на такси втроём.

У Дворцового моста нас ждали партнёры Жанны и Саши с «питием» и бутербродами. Общались, веселились, запускали в небо шары желаний, ждали, когда пробьёт заветный час начала. Ночной Петербург красив по-особому. Глубокая синева и яркость огней создают тайну. По ней хочется гулять, но только вдвоём. В этой весёлой компании я одна была без пары. Печалька присела ко мне на плечо. Серенький был далеко-далеко.

Мост играл огнями, завораживал. Всё произошло достаточно быстро для такой махины. Между двумя половинами моста важно и неспешно поплыли корабли и баржи с кранами. Народ постепенно расходился.

Ночь принесла прохладу, пошёл дождь. Одеты мы были легко, а потому решили отправиться домой. Еле-еле нашли такси. Завтра, в последний день нашего гостевания в городе Петра, нас ждал Петергоф.

Утро выдалось хмурым. Надо было бы посмотреть прогноз погоды. Непредсказуемый город. Дождь постоянно готов неожиданно пролиться на головы горожан и гостей города. Не глянули. Оделись легко. Надеялись, что солнце не разочарует нас в последний день пребывания.

Напрасно. Дождь усилился, как только вышли из автобуса на остановке «Фонтаны».

Жанна, Саша и Родион нарядились в лёгкие дождевики, которые были «сварены» из тонкой полиэтиленовой плёнки. Мы с Викой прихватили куртки и легкомысленно отказались от дождевиков. Неправильное решение.

Петергоф нам не рад. Дождь усилился. Конечно, фотографировала всё, что демонстрировал мне этот красавец. Скульптуры в фонтанах даже в таком нудно-сером мареве выглядят солнечно. Сусальное золото слепит глаза. Всё поражает и радует. Удивление на этом не закончилось.

Нам нужны билеты в сам сад фонтанов. Подойдя к кассам, увидели странную разницу в ценах для россиян, украинцев и белорусов. Для российских граждан цены на билеты в разы дороже, чем для украинцев и белорусов. Вот про это уже писала: к своим гражданам в России относятся, как к безродным чужакам. Как тут не удивляться? Удивляемся.

Солнечная красота Петергофа. Что может быть более необычным? Только сам Петергоф. Наше приключение под дождём началось.

«Золотые» скульптуры под струями воды не поддаются описанию. Надо видеть самому. Идём медленно. Нудный и мелкий дождь не перекрывает нашего настойчивого влечения к прекрасному. Созерцание требует неспешности.

Туристов много! Безумное столпотворение при такой «негуляльной» погоде. Жажда видеть сильнее страха заболеть.

Похолодало. Три часа под дождём, который, то утихает, то снова усиливается, но в «сумасшедшей» красоте Петергофа. Один раз зашли в кафе выпить горячего чая. Хотелось увидеть и запечатлеть, как можно больше. Напитаться и насладиться. Не на всю жизнь, но надолго.

Скульптура «Самсон, разрывающий пасть льва» с самым высоким фонтаном. Струю воды ветер играючи направляет куда хочет. Моя «джинсовка» уже имеет название «хоть выжимай». В самом конце нашей экскурсии струя от самого «Самсона» накрыла с головой. Просто «царская» милость. Ну, спасибо «Самсон». Как ты к женщине...

Температура упала до десяти градусов. Плачевно. Мы прошли только одно крыло парка.

Дождь усилился. Поднялся ветер. Внезапно противненько морозящие капли превратились в ливень с ураганным ветром. Все ринулись в кафе под навесом. Оно тут же превратилось в «Ноев ковчег». Русских здесь мало, зато много китайцев. Но зуб на зуб не попадал у всех одинаково.

Прождав целый час такси, которое так и не приехало, решились на подвиг. Возвращение домой на Невский самостоятельно.

Преодоление тысячи метров под проливным дождём и ураганным ветром до автобуса прошло с переменным успехом. Пыталась унять дрожь, потому что мокрым и холодным было всё: майка, джинсы... И дальше по списку. В общем, до нитки, как говорят. Куртку сняла – смысла в ней одетой на моё вымерзающее тело уже не было. У Родиона тоже одежда «донитки», хотя трепыхающийся от порывов ветра и дрожи тела плащик ещё сохранился местами. Кадет всю дорогу превращал его в дизайнерский объект. Может он не то призвание себе выбрал?

Остальные в положении – чуть суше. В автобусе, пока ехали, немного согрелись. Надо преодолеть ещё несколько остановок на метро и пешком пару сотен метров до квартиры. Дождь лил, уже не переставая.

По прибытию на Невский проспект дети потребовали «Макдональдс», который им был обещан, как заключительный аккорд путешествия по городу после Петергофа. Жанна с Сашей не стали сопротивляться, но я уже в состоянии не стояния, а потому выбрала вариант: домой под горячий душ. Не знаю, какое мужество должно быть у родителей, чтобы выполнить такое невероятное обещание, как поход в «Макдональдс», на пределе вымерзания.

Не хочется описывать Санкт-Петербург подробно. Этот город надо увидеть своими глазами. Жить в нём не хочу, но приехать ещё не раз и «напитаться» обязательно нужно. За три дня нельзя увидеть полностью красоту Питера. Советую всем, кто ещё здесь не был, непременно здесь когда-то быть... Жизнь так коротка, а увидеть и познать надо так много.

Рано утром следующего дня мы позавтракали, отдали ключ хозяйке и тронулись в обратный путь – в Ейск. Мне в этом городе предстояло дописать книгу, как я и планировала.

Дождь закончился, как только мы выехали за пределы Ленинградской области и направились в сторону Москвы. Жары дикой не было и это устраивало всех, кто был в машине.

Доехали без приключений. Отдыхали, пообедали, разминали ноги. То Саша, то Жанна за рулём. Я с детьми сзади. Обсуждали-рассуждали, развлекались. На ночёвку устроились в придорожном мотеле, где на нас пятерых нашлось только три узких кровати. Лето. Сезон.

Еле наскребли две тысячи русских рублей, которыми расплатились за этот «гденибудь-надопоспать» ночлег. У Саши только карточка, у меня только доллары. Потрагались в Питере. Покребли по сусекам. Нашлись заветные. Иначе пришлось бы ночевать в машине. Устроились.

Сложнее всех Жанне с Сашей. «Далеко не тростинкам» надо было как-то уместиться на совсем узеньком ложе. Лучше всех кадету Родиону. Он спал один. Ночью, на удивление, никто с кровати не упал. Саша всю ночь крепко обнимал Жанну, понимая: моя, единственная, не упущу, сберегу, сохраню.

Встали рано. Путь предстоял не близкий, а прилично далёкий. Кофе на завтрак нам. Чай с булками детям. Поехали.

В посёлок Степной, в котором живут Саша, Жанна и Родион, въехали поздно вечером. Уставшие, грязные, счастливые. Поездка удалась. Теперь ураганные приключения в Петергофе вызывали смех до слёз. Вспоминали, смакуя каждую деталь. Хорошо, когда есть о чём.

Моя распланированная заранее жизнь: писать и плавать начала сбываться.

Родион уехал на Урал к папе. Месяц его не будет. Осталась Вика. Мы с ней жили в одной комнате, потому что хозяйева дома затеяли ремонт в комнате Родиона. Дом двухэтажный, но небольшой. Две комнаты наверху и две внизу. Наш с Викой этаж был второй. Комната огромная. Стол для моего ноута, для моих тетрадей со стихами и моими записями нашёлся.

Определила распорядок дня. В 6.00 – подъём. Утренний разговор с моим Сереньким. Даже, если у него оказывалось свободное время, был коротким. В основном так и случалось. Утро доброе желали друг другу и делились планами на грядущий день.

Всегда была рада слышать его чуть с хрипотцой голос. Потом чашечка кофе и писать. Писала до полудня. Обед с Жанной и Викторией. Жанна не работала с ... и до... Она – менеджер от Бога. Занималась косметикой. Свободного времени у неё предостаточно.

Потом на море. Четыре-пять часов пролетали незаметно. Солнце. Волны. Гомон людей. Сёрфинг. Мелкие ракушки под ногами – идеальный массаж для стоп. Все тридцать три удовольствия. Саша забирал нас: троих «девушек» после своей работы. Ехали домой в полном умиротворении. Ужин во дворе дома в тени виноградных лоз. Непременный бокальчик своего вина.

После ужина расходились каждый по своим делам. Ребята занимались домом и хозяйством. Я писать. Процесс увлекал.

Иногда заканчивала работать далеко за полночь, ежели мой любимый Серёжка Сморгин, не отрывал меня от книги раньше. Некая важная часть моей жизни в данный период имела на это право. Больше никто. Болтали часами.

Жанна удивлялась: о чём можно так долго разговаривать? Тем паче, с дальнобойщиком. Обо всём, Жанна. Темы находились разные. Мы даже спорили по телефону. Каждый пытался убедить своего оппонента в своей правоте или в своём понимании жизни. Сергей удивлялся себе: ни с кем и никогда так подолгу он не разговаривал. Только со мной. Что же случилось, Серёженька? Случилась любовь. Он смог это признать только спустя недели три. Чувства рвали его душу и сердце. Метался, как волк, по клетке во всей этой неожиданно свалившейся на него с небес любви. А я наслаждалась этим чувством: безмятежным счастьем, когда засыпаешь ночью, мечтая о встрече, а утром просыпаешься, с надеждой услышать родной голос. Любовь обернула меня в шаль из нитей нежности и тепла.

Свежий ветер избранных пьянил.

С ног сбивал, из мёртвых воскрешал.

Потому что, если не любил,

Значит, ты не жил и не дышал.

В.Высоцкий

Мне хочется тебе дарить себя,

А вечерами слушать милый бред и шёпот.

И без смущенья вседозволенность твоя,

От счастья в крик, где тишина, как моря рокот.

Мне хочется тебе дарить себя.

И получать взамен невыносимую звёздность.

Любви вершины. В невесомости Земля.

В слиянье тел так лунна невозможность.

Мне хочется тебе дарить себя.

И принимать весь мир в объятия, как данность.

А солнца лучики – в нежданности заря.

И каждый миг от жизни только в радость.

Мне хочется тебе дарить себя.

И ощущать всей сути безмятежность.

Стрекозы – бабочки порхают не спеша,

Даря мне наслаждение и нежность.

Мне хочется тебе дарить себя.

И жить с тобой в согласии с надеждами.

Но мы вчера повздорили слегка.

И утро без тебя прохладно-свежее

Летние душные ночи творили со мной невообразимые вещи. Фантазии снов на тему: «мы вдвоём» были настолько реальны, что, просыпаясь, не могла понять, где я в данный момент: на небесах в раю или всё же на Земле. Своё чувство лелеяла, как цветок, который мне благосклонно подарила Судьба. Всё, чем сейчас жила, было пронизано светом Любви. Каждое моё утро. Каждый мой день. Каждый мой вечер. Каждая моя ночь. Свирели в душе пели, не смолкая. Как бы я хотела, чтобы музыка всегда звучала в моей душе. Пусть свирели сменяются другими инструментами. Рояль. Скрипка. Флейта. Саксофон. Труба. Барабан. Только не набат колоколов, которые безжалостно оповестят меня о... Нет. Нет. Нет! Всё! Прочь глупые, дурные, пустые мысли. Живу настоящим. Не знаю, что будет там, в моём будущем. И будет

ли оно, вообще. Закончиться быстро может любое действие. Жизнь тоже может оборваться в любую секунду.

Мой старший сын. Его двадцать семь лет и есть пример того, что она может ... в любой момент и независимо от нас. Мой старший сын научил ценить минуты, отпущенные Богом.

Сложно понять, как можно оценить то, что неосвязаемо. Не помню, когда ко мне пришло осознание этого. Не перестала мечтать и стремиться. Начала принимать себя и окружающий мир таким, как есть. Здесь и сейчас. Научилась радоваться мелочам и пустякам.

Теперь у меня любовь, о которой давно грезил. Всё удавалось. Всё получалось. Я всему искренне удивлялась и открыто радовалась. Мой мир – цветность и свет. Даже ночью. Потому что ночью ярко сияют звёзды и нежно светит луна.

В первые дни моего приезда к Жанне и Саше пришли их соседи Гуськовы. Знакомиться со мной. Татьяна и Юра. Чувствовала себя не очень ловко: смотрины какие-то. Может здесь так принято? Не сопротивлялась. Будем знакомиться. Новые люди всегда интересны. Милая беседа ни о чём. Пара произвела приятное впечатление. Прощаясь, Гуськовы пригласили в гости и меня. Непременно.

Давно не была на Кубани. В этом её краю не была никогда. Мой дедушка Пётр и моя бабушка Вера жили в другом конце Краснодарского края. В посёлке городского типа с непонятным названием – Мостовой. Моя бабушка Паша жила в городе Лабинск. Столько лет прошло с тех пор. Не буду считать. Ужаснусь.

В последние лет пятнадцать всё хотелось приехать назад в своё детство. Но вот не к кому уже. Бабушки и дедушка давно небожители. Дома продали чужим людям. Всё очень сложно с моим наследством. Бесприданница. Как, впрочем, и всегда. Жалею только о родовом гнезде. Не отстояла. По молодости упустила возможность его оставить себе и потом своим детям и внукам.

О чём это я? На данный момент, ни детей, ни внуков, которым бы хотелось что-то оставить после себя. Ужасно. Как для меня, так и для них, потомков.

Не стала откладывать визит к Гуськовым в долгий ящик. Через пару дней вечером мы к ним нагрянули. Вчетвером.

У Юры и Тани два сына: Алексей и Иван. Совершенно разных «с лица», но одинаковых внутри. Помощники родителям. Хозяйство у Гуськовых просто огромное по нынешним меркам. Юра с гордостью его показал. Ферма, не иначе. Две коровы, поросята, куры, утки, гуси, индюки, собаки и кошки. Бог мой! А какие уголья ещё за домом и при доме? Изумлялась и удивлялась. Хозяин был счастлив, видела. Добро шло от него плотной волной. Татьяна немного сдержанна, но это от её скорпионского знака по гороскопу. Узнала, что день рождения у неё в ноябре.

У меня две Оли, два Скорпиона. Непохожестью похожие. Сдержанны. Корректны. Конкретны. И не стоит меня уверять, что всё это чушь и ерунда. Доля правды есть во всей этой белиберде. Мои многолетние наблюдения.

Старший сын Алексей чуть не лишился ноги, приехав в отпуск с Севера к своим родителям. Больше полугодом лечится после полученной по глупости травмы. Долго лежал в больнице, перенёс несколько операций. Всё бесполезно. Ткани вокруг раны гнили. Родители были в шоке. Молодой парень в ужасе. Перепробовали всё, что только можно. Почти отчаялись. Мама Таня начала ходить в церковь. Истово молилась, просила за сына. И чудо произошло. Врач, к которому они в очередной раз и с надеждой приехали, выдал им такие странные рекомендации, что можно было запросто не поверить, отмахнуться и покрутить пальцем у виска.

В Александровке, в шести километрах от села Степного, есть лиман. Он тянется, конечно, от самого города Ейска, но... Именно, в этом месте находятся волшебные-лечебные грязи. Этот врач излечил таким методом уже ни одного своего пациента. С полной безнадёгой.

Стопроцентной гарантии доктор не даёт, но попробовать надо. Отрезать ногу в любой момент можно. Почему бы не дать своей ноге, а значит, и молодости шанс? Мама и папа, конечно, «за»! Алексей начал принимать «ванны» в лимане по несколько часов. На дне отыскивал чёрную грязь и накладывал на открытую рану. Дико – больно! Солёная, пресолёная вода, казалось, проникала во все поры и даже глубже. Метод лечения был каким-то изуверским. Терпел мужественно. Становиться инвалидом в свои неполные тридцать лет совсем не хотелось. Удивительно или не удивительно: рана начала очень медленно, но затягиваться. Уверенность, что всё будет хорошо, окрепла.

Когда я увидела первый раз Алексея и его ногу, а это был конец июня, всё страшное осталось позади. Прошло всего два месяца. Алексей ходил уже не хромя. Почему я заострила внимание на этом? Очередной пример того, что человек должен верить в чудеса и всегда жить с надеждой в душе на лучшие времена. Даже, если впереди только неприглядная тьма видится. Вера во что-то – это, как таблетка Плацебо. Мы сами себя исцеляем. Так получается. Да, грязи в этом лимане лечебные. Но, не веря и не надеясь, можно было бы ничего не предпринимать для своего спасения. Отдать свою ногу и молодость под нож хирурга. Жёсткий урок для Алексея. Из-за царапины, полученной на пьяной вечеринке по поводу прибытия в отпуск, можно было остаться инвалидом на всю его, только начавшуюся жизнь. Маме с папой спасибо за их мужество и терпение.

Размышляя над историей с неосторожной глупостью и чудесным восстановлением Алексея, мне стало жаль его родителей. Извечная тема: «отцы и дети». Чем мы, родители: мамы-папы, нормальные, хорошие, замечательные виноваты в том, что у нас вырастают неразумные и даже жестокие по отношению к нам дети? Примеров, виденных мной, к сожалению предостаточно.

До сих пор нет определённого ответа и для себя. Неприятие абсурда и усталость. Весь набор моих эмоций. Конечно, о своём младшем, жестокость которого по шкале десять уже достигла отметки сто! Он в своей злости – снежный ком, который набирая скорость, не может остановиться. Для него осталась одна, последняя возможность: разбиться, врезавшись в препятствие, и рассыпаться. На чистые снежинки или на мелкие комья грязи. Выбор опять-таки остаётся за ним. Препятствие для него уже придумала, но надо всё хорошо осмыслить до конца. Для нас обоих это последний шанс выровнять отношения. Или расстаться навсегда. Другого не дано. Может глаголю страшные слова и предложения, но... Я и так ждала, верила, и надеялась почти десять лет. Мои параллельные боли: Дима-Денис. И обе только мои. Одна останется со мной навечно, до моего последнего вздоха. А вторая? Хочу от неё освободиться. Не могу

больше быть её пленницей. Не Хо-Чу. Имею право на собственную жизнь и на своё собственное счастье. И пусть кто-либо сможет меня осудить.

Младший Гуськов – Иван. Он служит в погранвойсках. Его работа сейчас. Красивый, огромный, но скромный. Есть девушка Настя. Вместе живут четыре года. Красотка. Оба ревнуют друг друга по-взрослому, но неумно. Что такое ревность? Недоверие? Глупость? Болезнь? Зависимость? Не знаю.

В этом лучше разбираются мои друзья-психологи и психиатры. Им доподлинно известно, что это и как с этим справляться. В России нет устоявшейся практики обращения к таким врачам. Каждый лечит себя сам. И каким угодным способом, вплоть до алкоголя. Всякие другие «народные» методы тоже приветствуются. Эх, Россия-матушка! Ничего не меняется в ней. Всё те же проблемы и всё хуже живут люди в ней. Простому люду не дают продыху. Так мне заявили и в семье Гуськовых. Работают много, а заработать на достойную жизнь не могут. Нет такой возможности в России. Не интересуется правительство свой народ. У правительства свои проблемы. Глобальные. У народа свои проблемы. Мелкие. Что им до народа? До его мелких проблем.

Ничего не могу изменить ни в правительстве, ни в народе, ни, тем более, в России. Смотрю, оцениваю, делаю выводы. Это всё, что мне доступно. Народ терпит. Правительство обещает. Россия нищает. Печально. И гадко.

Об этом с любимым Сереньким тоже вели разговор. Вечерний. Я вышла на улицу, чтобы не мешать своими громкими эмоциями обитателям гостеприимного дома. Полемика была долгой. Сухие факты. Никакой романтики в словах. И это при огромной сияющей во всё небо луне. Странно, но интересно. Для нас обоих. Мы узнавали друг друга с разных сторон.

Восьмого июля в России – день семьи, любви и верности. Жанна, я и Вика поехали к памятнику Петру и Февронии. День, как и все предыдущие дни в этом благодатном краю, солнечный и радостный. Все дни, когда светит солнце, безусловно, радостные. Для меня. Есть своя прелесть и в пасмурных днях. Кому как нравится. Спорить не буду. Но для меня важно солнце и тепло. Колоссальная подпитка.

Поехали на машине. Звучала музыка. Утром звонил Серёжка. Вся запредельность счастья налицо и у меня на лице: улыбаюсь.

У памятника стоит живописная пара: колоритный молодой батюшка и юная девушка. Они направились к нам, как только мы подошли поближе. Вот, опять надо что-то пожертвовать церкви. Полезла за деньгами в кошелёк. Но нет. Батюшка начал задавать нам вопросы по поводу этого праздника. Когда, где и кто? Очень удивился, когда мы дуэтом ответили на все вопросы. Правильно ответили. Он вручил нам с Жанной по магнитуку с фотографией этого памятника. Приятно. Первый раз мне подарили, а не попросили, как всегда. Запечатлелись с батюшкой на фоне памятника.

Напоследок я спросила, как зовут батюшку.

Ответ меня несколько шокировал, но приятно:

– Сергей. Отец Сергей.

Это знак, решила я. Мы с моим любимым Серёжкой Сморгиним всегда будем вместе. Не случайно же сегодня всё сошлось у этого знаменательного памятника. Внутренний ликующий фонтан взорвал мои эмоции. Я закружилась, закрыв глаза. Что подумают люди? Взрослая тётенька с ровного места вальсирует. Сумасшедшая. Однозначно! Только нельзя меня сбить, как самолёт, на всём лету. Не сверну с моего обозначенного старшим сыном курса на счастье.

Море. Азовское море. Июльский зной нагревал его до состояния парного молока. Шторм здесь какой-то детский. Волны играючи накатывают на берег из песка и ракушечника. Самая крутая, которую здесь видела, высотой не больше метра. Море шалило. А вот медуз в такие дни преогромное множество.

Плыву на глубину, разгребая руками «медузовый» кисель. Не очень приятные ощущения, но. Это же море. Загораю мало. В основном, плаваю, кувыркаюсь и кружась в воде. Невероятное наслаждение. Не знаю, как можно не любить море! Я его обожаю. И реки, и озёра, и пруды тоже. Но море нельзя сравнить ни с какой другой водой. Оно-море!

Спокойная жизнь радовала. Я с удовольствием писала. Готовила обеды. Мои воскресные блинчики к завтраку обожали все. Ставила тесто, пекла пироги.

Воспоминания детства. Лето. Кубанские каникулы. В русской печке на листьях винограда пеклись знаменитые «бабыверины» пироги с начинкой из вишен и абрикос. Немыслимые ароматы! Невероятная вкуснятина! Мы – внуки, объедались её пирогами. Сок ручьём по рукам. Слизываем, не давая даже капли упасть на пол.

В доме Жанны, к сожалению, нет русской печки. Только газовая духовка. В ней пироги получались тоже «ничегосебекаквкусно». Всё зависит от настроения, с которым колдуешь над едой и какие чувства вкладываешь в неё. Это у меня от моих бабушек. Каждая из них научила меня тому, что умела сама. Я про кулинарию и душу. Низкий поклон моим родным бабулечкам. Всем троим. Люблю вас. Даже бабушку Веру за её «нестандартно-строгую» ко мне любовь.

С Викой у нас сложились не очень простые отношения. Девочка в свои десять лет «продуманная». Понимаю её. Но не могу оправдать ни её папу, ни, тем более, её маму. Какой-то ненужный ребёнок случился. Девочка. Страшно. Она не нужна, практически, маме, да и папе, по большому счёту, тоже. Папа Саша мало времени проводит с дочерью. Тётя Жанна больше.

Как поняла из высказываний Жанны, она и её напрягает из-за того, что не слушается. Иногда совсем выходит из-под контроля. Я пыталась как-то достучаться до Вики. Не всегда получалось. Были и слёзы, и обиды на меня, и молчание, и упрямство. Талантливая девочка, бесспорно. Интересные рисунки. Дизайнерский ум. Она из своих шарфиков-носок делала себе кукол, с которыми и играла потом.

Только это чужой ребёнок. Какое имею право лезть в её судьбу, когда оба родителя живы – здоровы и бабушки-дедушки тоже есть? Никакого. Вика – не сирота.

Брала Виду и её подружку Настю, которая приезжает к бабушке на лето из Питера, с собой на море. Мы исследовали все пляжные места в Ейске. Азовское море – удивительное море. В некоторых местах его полуметровая глубина тянется на несколько десятков километров вглубь. Бассейн. Не иначе. Для детей, не умеющих плавать и их беспечных родителей такая глубина,

в некотором роде, спасение. Но их надо, в любом случае, учить плавать. Как было у греков? Каждый образованный человек должен писать, читать и ... плавать. Да-да. Именно так.

Девчонки развлекались на мелкоте. Обучение плаванию этих стрекоз в мою задачу не входило. Я их фотографировала. Писала какие-то стихи. А в основном, лежала и мечтала. То в воде, то на берегу. Плавать негде. Булькалась в мутной морской воде. Отмачивалась.

В середине июля мы познакомились с Дарой и её дочкой Таней, которые приехали с Урала, из города, где я обосновалась. На самом деле пришлого из холода в тепло и на море народа было больше: целых пять человек. Ещё одна мама с двумя детьми. Такой весёлой компанией они жили в одном номере частной гостиницы. Это жуть, конечно, как говорит сейчас молодёжь. Замкнутое пространство с большим количеством народа вызывает стресс. Но это временно. Отдых. Можно и стерпеть неудобства. Они приехали на десять дней. Погреться на солнышке и ... морееее! Дара тоже, как и я, обожает море. Зачёт! Только плавать не особо уверенно. Но я-то из рода дельфинов. Не всем посчастливилось, как мне. Но всем и не надо.

Такая же сумасшедшая мама, какой была и я, когда своих мальчиков растила. Родилась она в год Лошадки. Первая буква имени «Д». Мой старший. Они ровесники. Повеяло теплом. Так всегда происходит. Всё, что связано с моим старшим сыном, меня греет. Любая мелочь. Тут целый человек. Расстояние между нами сократилось во много раз. Я автоматически впускаю в свою жизнь людей, у которых есть что-то от Димы. Так случилось и с Дарой. Очень позитивная молодая женщина. Смешливая и умная. Она мне нравилась с каждым разом всё больше. Я к ней присматривалась. Её отношения с Танюшкой. Её отношение к жизни. Она была мне интересна.

Жанна пригласила гостей с Урала поехать на отдых в станицу Должанская.

Все радостно сказали:

– Да!

Поехали на двух машинах. Саша за рулём своего «Chery». Жанна за рулём своего «Renault». Проехать мимо бахчи и не купить арбузов и дынь? Нонсенс. Взрослые были в таком же восторге, как и дети. Арбузы, арбузы, арбузы! Куда ни глянь. Лето в разгаре, но сезон ещё не начался. Их сезон – август. Сейчас взяли арбузы на свой страх и риск. Посмотрим на пляже, какие нам достались.

Место на кусочек рая платный. Взрослых многочисленное количество и дети просочились бесплатно. Хитрим. А что делать? В России так получается. Денег на всё не хватает. И это основной массе населения такой богатой страны. Стыдобушка.

Солнце светит безжалостно. Жар повис в воздухе. Вода поразила прозрачностью. Азовское море было чистейшим и теплейшим в этом месте. Отъехали от Ейска всего километров сорок. Такие метаморфозы природы. Я, как всегда, впереди команды всей. Пока народ устраивался под тентом в тени, я уже плавала в солнечных волнах моря.

Не могу терять ни минуты, когда рядом с морем. За две недели на юге прилично загорела. Стала похожа на мулатку-шоколадку. Загар мне к лицу. Знаю. Нынешнее моё состояние мне тоже к лицу. И моё душевное на данный период жизни устраивало полностью.

Шесть часов в ласковых и, практически, горячих волнах Азова. Выходила на берег пару раз. Первый, исключительно, для пробы арбуза. Тёплый, но сочный и сладкий. Не обманулись. А второй раз, пройтись по берегу с фотоаппаратом. Даже не обсуждается.

Отщёлкала всю нашу команду. Эмоциональная Дара взбудоражила всех детей и фотографии получались живыми, мило – забавными. А всё море! Солнце слепит. Вода блестит. Дети «бесятся» от души. Красота! Люблю делать такие снимки. Они получаются прикольными, следуя сленгу молодёжи. Отдых удался.

Жуть, как не хотелось выплывать из моря. Последние часа четыре я и на берег не выходила. Плавала, лежала, мечтала, размышляла. Море было спокойным. Дети пищали-орали-смеялись-радовались-дурачились. Родители кричали-опасались-развлекались. Ничего не раздражало. Отключила свой мозг от окружающего присутствия людей. Умею так делать. Научилась. Море, солнце и мои мысли. За очерченный мной круг никто и никогда не заходил. Для всех, без исключения, табу. В таком почти «кипятковом» море мне больше не довелось поплавать. А ведь только середина июля.

«Свидания» с Дарой и её дочкой доставляли удовольствие. Каждый день после

написания определённого количества текста книги, я забирала двух своих подопечных девочек Вику и Настю, и мы отправлялись на автобусе к морю. Дети развлекались, как придумают, а я много плавала и болтала с Дарой. Тихая радость от «громкой» Дары и капризули Танечки. Магнетизм присутствовал однозначно. Отсутствие в моей жизни ровесников моих мальчиков и несостоявшиеся «сюси-пусы» с внуками? Может и это. Но не только. В Даре было что-то такое, чему не находила объяснений. Да я и не искала их. Зачем? Иногда не стоит углубляться, чтобы потом не разочаровываться.

Дарин день рождения отмечали в ресторане. На четыре тётеньки и три девочки один парнишка: сын подружки Дары. Саша работал. Дара заценила наш с Жанной подарок. Мой стих ей понравился тоже. Рада Даре дарить подарок. Каламбур получился.

Поверив в чудо, можно смело,

Летать, открытой всем мирам.

И в жажде солнца молний взрывы.

И в счастье сердце пополам.

Виденья образов прозрачны,

Сок винограда – лета вкус.

В ресницах скачет солнца зайчик.

Я в чувствах новых захлебнусь

Летать по полной, отрываясь

От всех забот своих мирских.

Звезду зажечь, судьбу меняя.

Любить себя, как и других.

Веселье было не только от бутылочки белого полусладкого на двоих. По жизни затейливая Дара поймала кураж. И мы вместе с ней. Шутки рассыпались смехом и взрывались хохотом. Фотосессия удалась. Дара, как и положено имениннице, звезда!

Дочка Дары, по всей видимости, пошла в маму. Её забавно-страшные рожицы с фруктами возбудили всех детей. Соревновательный дух толкал их на немислимые придумки. И понеслось веселье.

Когда всё было съедено и выпито, всей толпой высыпали на улицу. Времени до вечера пара часов. Саша должен нас отвезти домой на машине.

Наша развесёлая и разномастная компания двинулась по городу. Прихватив в магазинчике бутылочку уже красного вина, мы направились в парк. Я, как и все непьющие, но понижающие толк в напитках женщины, не прочь пригубить один-два бокальчика напитка Богов. Не больше. Дара где-то из той же породы. Вино осталось. Забрали его, конечно, с собой. Оно мирно болталось в полиэтиленовом мешке, переключивая из одних рук в другие. Срок допития перенесён на совсем другой день.

Лебеди осмотрены, фазаны, куры-утки тоже. Барашки-козочки. В общем, исследованию глазами подвергнуты все из мира животных, кто попался нам на пути в парке Никольского. Всё и все запечатлены мной на веки вечные. Тут и Саша позвонил. Отправляемся домой, предварительно договорившись о вечеринке с раками-пивами и шашлыками в доме Жанны и Саши. Так сказать, ответный визит гостей с Урала.

Погода чудесная. Июль не радовал только дождями. Засуха больше двух месяцев на Кубани. Растения как-то пытались выжить, а народ страдал-ругался-просил и поливал утром-вечером. Я тоже принимала в этом активное участие. Сад-огород у Жанны небольшой.

Несмотря на засуху, слив, алычи и абрикос несметное количество. Алычу я собирала у заброшенной дороги. Она «золотилась» в ящиках. Абрикосы с Жанной рвали у Гуськовых. Я лазила по дереву не хуже той обезьянки. Жёлтые, оранжевые, аппетитные, ароматные, они заполнили все свободные вёдра. Гуськовы совсем, ну ни капельки не жадничали. Огромный абрикос рос за их усадьбой. Несметное количество плодов меня покаутировало. Давно не была на Кубани.

Детство. Варенье из этих ароматных плодов с миндальным орешком из косточки обо-жала всегда. Надо варить. Я предложила. Жанна согласилась. Несколько баночек с янтарным

вареньем из моего детства заняли своё место в погребе. Пару баночек непременно прихвачу с собой на Урал. Там такой роскоши нет. Пусть попробуют вкус райской жизни.

Саша месяца четыре назад бросил курить и собирал теперь свои сторублевые купюры (стоимость пачки сигарет) в копилку – трёхлитровую банку с закатанной крышкой. За три месяца своего «не курения» он насобирал на покупку бассейна, который теперь красовался в саду. У меня появилось ещё одно развлечение.

Утром, пока все спали, наслаждалась прохладой воды с чашечкой кофе. Ночью, когда уже все спали, наслаждалась тёплой водой с бокалом вина, мечтала, любясь на яркие звёзды. Я счастлива. Так хотел мой старший. Маленький гвоздик, который мне мешал полностью отдаваться счастью, младший сын. Он опять выключил меня из своей жизни со дня моего рождения. Коротенькая смска на телефоне. Всё.

Я, конечно, застукивала этот гвоздик обратно, когда он пытался влезть мне под кожу и «пустить кровь» в очередной, в сто миллионов какой-то там раз. Иногда получалось. Иногда совсем не получалось. Даже отсутствие Димы на Земле для меня сейчас не так режуще больно. Научилась с этим жить. Но этот «земной острожек» на Земле, которого никогда не было со мной рядом, причинял гораздо больше жгучей боли. Два сына. Два моих крыла.

Вечеринка, задуманная всеми нами, удалась. Раков горы, как и мяса, салатов и фруктов. Вино, пиво. Сыто-пьяно. Дети толпой развлекались. Визги, хохот, топот разносились по всей улице. Мы лениво обсуждали какие-то приятности. Дара с дочерью и всеми своими «сокомнатниками» отбывали завтра вечером. Жаль. Я уже почти «срослась» с этой девочкой. Я про Дару.

Весь следующий день мы провели втроём: Дара, Танюшка и я. Прошлись по всем пляжам в Ейске. Окунулись везде. Попили чаю и разъехались в разные стороны: они на поезд, который отвезёт их на Урал, а я на автобус, который отвезёт меня в Степановку.

Искренне жаль с ней расставаться. Но увидимся. Я собиралась какое-то время пожить снова на Урале. Так вынуждали жизненные обстоятельства. Этими обстоятельствами являлся мой любимый Серёжка Сморгин. И со своим младшим сыном Денисом должна окончательно разобраться и проставить все точки над всеми «i».

До августа оставалась неделька. Моментально проходящее лето. Быстро улетающая жизнь. Серенький засобирился ко мне в гости: посмотреть и решиться. Я предлагала ему переехать в Ейск. Сложиться и купить домик. Построить гостиничный бизнес. И жить счастливо. Он как-то вроде даже где-то и соглашался. Но сомнения его грызли постоянно. Он всё искал какой-то подвох от жизни. Не «давила» на него. Скучала. И ждала, когда он, наконец-то, придет в Ейск. Эти мелкие «нетаки» от судьбы старалась не замечать. Зачем омрачать себе «сегодня», если «завтра» может не быть? Урок, усвоенный «на хорошо», помогал улучшать моё почти безмятежное пребывание на Земле.

МАХ молчал. На все мои письма по электронке ответа не было. Понимаю, как это горько. Но чем помочь? Врать ему не хотелось. А жить с ним уже не могло. Так бывает. Я жалела своего мужа. Он меня, как говорят, не обижал. Не понимал, конечно. Я его не понимала тоже. Но мы всегда находили компромисс. Глупых ссор не было. Зачем? Взрослые и умные. Менталитеты у наших народов разные. Гордость кубанских казачек и интеллигентность настоящих москвичек. Утончённо-расчётливый лоск французов и суровая сдержанность канадцев. Я и

МАХ. Вот такой коктейль из характеров существовал вместе почти три года. Сейчас у меня уральский парень. Тоже непростой. Как мы будем вместе? Не буду загадывать.

Четыре дня. Четыре ночи.

Унёс любви нас ураган.

И счастье всё вокруг пророчит.

Ты сбереги. Я не отдам.

Не пойму, как возможно это.

Нас накрыло. И всё замерло.

Это в солнечность жаркое лето

Неделимо: твоё – моё.

Мне не ведать, как всё случилось.

Отдалась я рукам твоим.

Может быть, это мне приснилось:

Мой от звёздности лунный дым?

Только месяц, как мы знакомы.

Но родней уже нет, поверь.

Я сняла, наконец, оковы

И за прошлым закрыла дверь.

Я волнуюсь, когда не слышу

Этот голос, что только мой.

И вино переспелой вишни

Пью одна. Жду тебя домой.

Мы скучаем. Пресильно. Знаю.

Все аккордами наши дни.

По ночам я к тебе летаю.

Ради Бога, не отпусти.

Нам с тобой быть. И только рядом.

Это счастье, а не урок.

Дал Всевышний любовь в награду.

И мечты все в реальность. Рок.

Нет сомнений. Надежда с верой,

Что судьба у двоих одна.

Только что мне с разлукой делать?

Не могу я совсем без тебя.

Кусты роз в этом краю меня восхищали. Они были такие же огромные, как и в Стамбуле. Я их фотографировала постоянно. Розы невероятных красок и форм. Мелкие гроздья, семейки, с ладонь и больше. От чисто белых, до невероятно множественных оттенков бордо. Нежность исходила от розовых бутонов и раскрывшихся полностью розовых роз. Это Дима. Последний цветок от Дениса я получила на свой юбилей. Бордовая голландская роза на высоком стебле. Как давно это было. Прошло несколько сотен космических лет. Такие у меня ощущения.

Оранжевые. Жёлтые. Ванильные. Аромат издавали, мне казалось, даже снимки этих прелестниц и волшебниц. Роза – царица цветов. Как профессионал, ценю любую красоту. Но мой цветок – Лилия. Божественное создание. Его целомудренность и горделивая чистота, приводят меня в немой восторг. Лебеди в мире цветов. Мои ассоциации. Любые цветы, подаренные мне, всегда смягчат мою душу, растрогают сердце и вызовут нежные чувства, растопив лёд недопонимания. Об этом знал только старший сын. Он вычислил мою «слабость» лет с двух.

Посёлок Степной находится в шести километрах от лимана. Там ещё не была. А надо бы. Уже больше месяца здесь, а лиман ещё не исследовала. Жанна сказала, что в лимане водится рыба и потому всегда полно рыбаков.

28 июля, почему-то запомнилось это число, решила пройти пешком эти шесть км до лимана. Конечно, немилосердное солнце палило изо всех своих жаркостей. Цель поставлена. Пошла. Надеюсь, что на обратном пути меня заберут Саша и Жанна. Уже будет вечер, и Саша поедет домой на своей машинке после работы. Жанна тоже в Ейске.

Короткие шорты и майка не защищали от испепеляющего огня Ярила. Сейчас имя ему было только такое. Вода в бутылке катастрофически заканчивалась. А я прошла только полпути. Это определялось по огромному дереву, которое росло у дороги с правой стороны. Единственное.

Подошла к дереву поближе. Ножом по сердцу. У этого исполина стоит скромный памятник. На нём два имени, но одна фотография, хотя место определено для двух фото. Прочитала. Совсем молодые парни. Им было чуть больше двадцати лет. Памятник железный и старый. Погибли давно: тридцать три года назад. Горе матерям. Горе отцам. Господи! Почему молодые-то? Тебе они нужней там? Не знаю. Все судьбы в руках Бога. У каждого своя Судьба. И свой путь. Короткий ли. Длинный ли. Но только свой.

Дошла до лимана, размышляя над этим философскими вопросами: жизнь и смерть. Я уже могла называть эти явления природы своими именами. Раньше ненавидела это короткое и страшное слово – смерть. С ней нельзя смириться. Её нельзя принять сердцем. Её можно принять только умом.

Море, какое бы оно не было, это море! Спускаюсь вниз. Разбитый катер, который покоится на берегу, судя по его виду, много лет, напомнил почему-то отца.

Позвонил Сергей. Как всегда, мило поболтали, пошутили, посмеялись. О чём-то важном и ни о чём. В моей жизни сейчас он – та толика света, которая сияла круглосуточно. Ещё один лучик. Но земной. Два лучика. Конечно, счастье. Моё счастье.

Позвонила Жанна. Они не смогут меня забрать, потому как образовались дела. Я решила провести эксперимент: вечер, одинокая женщина на дороге, много машин. Остановится ли кто-нибудь, чтобы предложить меня довести, если не голосовать? Остановился пожилой мужчина на вишнёвой «десятке». До Степного осталось 200 метров. Не перевелись рыцари в России. Почти. Рада. Почти.

На следующий день мы с Викторией отправились в магазин за новым купальником для меня. Я решила-таки на раздельный. Захотелось зашоколадить свой живот, который несколько пострадал от двух родов.

За месяц насмотрелась на тела купающихся и, особенно, на тела загорающих. Комплексов ни у кого. Оголяли даже то, что выставлять было катастрофически противопоказано. По всем нормам. Дети же на пляже... Какой вкус у подрастающего поколения воспитается? Это, конечно, шутки. Русские отдыхают «как могу-хочу, так и развлекаюсь». И так во всём.

Серенький устроил допрос с пристрастием: какой именно купальник купила? Уверила: в рамках приличий. Услышала вздох облегчения: ревновал. Немножко можно. Даже полезно. Вечером поговорим обстоятельно.

А пока мы с Викторией развлекались на море. Дурковали, фотографировались, загорали и плавали. Время пролетело незаметно. Пора и в обратный путь. Последний автобус отбывал из Ейска в Степной в шесть часов вечера. Устроившись на свои любимые места рядом с водителем, мы с Викторией так заболтались, что чуть не проехали нашу остановку. Выскочили и рассмеялись. Накупили мороженого для всех в местном магазинчике. Вернулись возбуждённые и весёлые. Жанна, и Саша были уже дома.

В последнюю неделю стало как-то не очень уютно в этом доме, где на словах мне были рады, но... Интуиция моя. Пыталась выяснить у Жанны в чём дело. Спрашивала, не мешаю ли я им жить?

Ответ был:

– Нет. Не мешаю.

Хорошо. Поживём-увидим.

Всё-таки солнце меня «спалило». Обгорела вся, не только мой белый живот. Болело нестерпимо. Целый тюбик детского крема уже на мне, а боль не проходила. Дорвалась до солнца. Караул! Сама виновата. Ночь была кошмарной. Полусон-полубред. Утро облегчения не принесло. Какое тут море и солнце? Сижу. Пишу. Мажу. Болит.

Вика в расстройстве. Ей очень понравился наш вчерашний «вояж». Уверила, что завтра мы с ней обязательно поедem прямо с утра на пляж и на целый день. Обрадовавшись, она ускaкала к подружкам в гости.

Саша на работе. Жанна уехала по делам в город. Я одна. Люблю писать, когда совсем никто не мешает. С удовольствием и успешно тружусь над своей первой книгой. Процесс увлекал. Уже заканчивала путешествие в Питер. Как говорится: впечатления на свежую голову.

День был плодотворным, как у настоящего маститого писателя. Написала несколько страниц и меня распирала гордость. Немедленно хотелось прочитать Жанне новые главы. Пусть оценит. Моя подруга уже выслушала «Автостоп». Мне важно было её мнение по поводу описания наших с Сергеем дней, но особенно ночей. Боялась пошлости. Эпистолярный жанр мной пока не изведен. Учусь. Пишу по наитию. Жанне понравилось. Я выдохнула. Получилось.

Около шести часов вечера вернулись из города мои друзья. Жанна, как всегда неторопливо, поднималась на второй этаж. Широко улыбаясь, я поднялась ей навстречу. Японская поговорка гласит: «В улыбающееся лицо стрелу не пускают». Жители страны восходящего солнца оказались не правы в своём умозаключении. В моём случае. С каменным лицом, глядя мне в глаза, Жанна начала свой «обстрел». Привожу весь диалог, как есть, дословно.

Жанна:

– Ирина, я была у экстрасенса и она сказала, чтобы ты немедленно покинула мой дом.

Я:

– Почему? Я не понимаю.

Стрела попала мне в шею. Боль пронзила до пяток.

Жанна:

– Она не объяснила, но сказала что у тебя тяжёлая карма. Если ты не уйдёшь из моего дома, то мои дети начнут болеть.

Я:

– Хорошо. Но куда я пойду в ночь? Уже вечер.

Жанна:

– Экстрасенс сказала, чтобы ты уезжала немедленно.

Я начала собирать свои вещи и складывать в рюкзак. Надо сосредоточиться и ничего не забыть в этом доме. Своего. Стрелы, хладнокровно выпущенные моей подругой, вонзались безжалостно. Держу себя в руках.

Я:

– Не сможешь мне снять домик или квартиру здесь или в Ейске? Я не хочу уезжать от моря.

Жанна:

– Экстрасенс сказала, чтобы ты немедленно уезжала из нашего края к своему сыну. В другом случае мои дети будут страшно болеть. Я и так отстояла всю службу в церкви – за детей просила, чтобы ты им ничего не сделала.

Дети, конечно, святое. Только такой бред я выслушивала в первый раз. И от кого? От Жанны, с которой мы дружим уже 15 лет. Дружили. Теперь, конечно, так. В прошедшем времени. Подруга, настоящая подруга, не может говорить такие жуткости и творить такие нечеловечности. Мой ум не воспринимал услышанное. Моё сердце отказывалось верить происходящему. Моя душа плакала.

Вышла на улицу «выдохнуть». Звоню Серенькому. Объясняю ситуацию. Он молчит. Такой реакции от него не ожидала. Любимый мужчина. Любящий ли? Я опять осталась одна со своей проблемой. Завязала себя в «узел», как обычно делаю в экстремальных ситуациях. Вернулась в дом.

Жанна:

– Я вызвала тебе такси и оплатила до вокзала.

Я:

– Спасибо. Не надо.

В ванной на первом этаже надо забрать свои туалетные принадлежности. Спустилась. Саша сидит за столом и пьёт кофе. Голова опущена. Не вижу смысла даже подходить к нему. Он и сам здесь на «птичьих правах». Это дом Жанны. Её собственность. Впрочем, как и сам Саша. Он тоже её собственность.

Рюкзак собран. Огляделась. Всё. Спускаюсь вниз. Выхожу за ворота.

Меня догоняет Жанна:

– Такси сейчас подъедет. Он тебя отвезёт на вокзал.

Я ухмыльнулась:

– Спасибо, Жанна, за всё. Я тебе благодарна за приют. Но куда мне идти или ехать я буду решать сама.

Рюкзак просто придавливал меня к земле. Его тяжесть выросла в невероятные количества раз. Ощущала спиной всю ненависть Жанны ко мне. Стрелы всё ещё летели, но уже не долетали.

Мимо меня проехало такси. К дому Жанны.

На обратном пути таксист остановился около меня:

– Садитесь, довезу. Тяжело же.

Отвечать ему не было ни сил, ни желания. Я отмахнулась. Он уехал.

Дом Гуськовых через несколько дворов от дома Жанны. Решила идти к ним за помощью. Наверняка помогут найти жильё на лето. Они местные.

Ворота открыты. Моё везение. Я прошла буквально пять шагов и скинула рюкзак. Слезы, которые так тщательно сдерживала, рванули наружу вместе с надрывным стоном. Зверь внутри меня ожил. Спрятала лицо в ладони.

Что опять со мной? Или не со мной? Почему? Вопросы посыпались из меня. Ответов не было. Вопросы, как всегда, к себе самой. Их, как всегда, никто не слышал.

Подошла Татьяна. Пригласила войти. Юра донёс мой рюкзак. Я присела на скамью около летней кухни. Дальше сил идти не было. Вода. Успокоительные капли. Добрые слова четы Гуськовых. Понемногу пришла в себя.

Пересказала им весь наш диалог с моей экс-подругой. Гуськовы поражены.

– Это так с тобой Жанна? Она же всегда такая спокойная и приветливая? Какой тут к чёрту экстрасенс?

Юра «кипел». Таня сидела в шоке. Кто бы мне ответил на все возникшие вопросы и объяснил поведение этой достаточно взрослой женщины, которой через месяц «стукнет» пятьдесят?

Звонок Жанны Татьяне. Я и Юра слышали только ответы и вопросы Тани.

– Куклы Вудду? Ирина делала?– удивилась она в очередной раз.

Я устало прокомментировала, что куклы из своих носочков и моих тряпочек сделала Вика. У девочки нет обычных, а потому и делает тряпочные. Татьяна пыталась объяснить Жанне, что куклы это творение Вики. Бесполезно. Всё велось к тому, что меня надо гнать

поганой метлой со двора, так сказала экстрасенс, которая тут вот недавно позвонила Жанне. От этой «мегеры», то есть от меня, одни беды и несчастья. Из телефонной трубки полилась прочая глупость-дурость. Таню изрядно задело, что Жанна пыталась командовать и ею.

– Кого в дом пускать, а кого выгонять я буду решать сама, – подвела итог наставлениям Таня. Закончив разговор с неожиданно взбесившейся и потерявшей ум соседкой, Татьяна пришла в ещё большее изумление. Ни у кого в голове не укладывалось, что Жанна ТАК может со мной поступить! И это за всё моё добро не только к ней. Бог мой! О чём это я? Не делай добра, не получишь и зла. Мудрая пословица. Сколько раз и на те же грабли. Не учат меня люди уму – разуму. Или я не учусь. А ведь отличница. Была.

Поведению Саши никто не удивился. Он не имеет в семье своего слова. Глава семьи – Жанна. Сашина обязанность – зарабатывать деньги. Гуськовы бесплатно отдавали Саше щенка от своей породистой собаки. Как Саша хотел этого щенка забрать!

– Мама Жанна не позволила, – сказала с иронией Таня.

Юра совсем не воспринимает Сашу, как мужчину.

– Приложение к Жанне всегда молчит, – резюмировал он.

В свои тридцать пять лет «гражданский муж» находится под таким каблучищем своей «гражданской жены», что только диву даёшься его терпению. Вероятно, такая безоговорочная любовь. Но это чужая жизнь. Не осуждаю. Они нашли друг друга шесть лет назад. Обе стороны согласны. Как говорят, флаг в руки и барабан на шею. Живите и дальше счастливо и богато.

Одно меня сейчас удивляет. Не обижает. Нет. Давно на людей не обижаюсь. Пустое занятие. Жанна, с которой мы так крепко дружили, и которая всегда была на моей стороне, вдруг поменялась в одночасье. Я не могла вложить в эту дикую ситуацию логики. Откуда столько желчи? Мы – взрослые люди. Зачем придумывать злой абсурд для того, чтобы выгнать меня из дома? И даже из края. Причина? Не экстрасенс, конечно. В это не верили ни я, ни Гуськовы.

Само собой воспоминания меня вернули в нашу с Жанной дружбу. Наши грандиозные новогодние праздники. Рождественские гадания. Масленицы с блинами и сожжением чучела, когда весь мой двор многоквартирного дома к нам присоединялся. Наши дни рождения, которые превращались в целые спектакли. Походы шумными и весёлыми компаниями в лес и на озеро.

Начала рассказывать Гуськовым, как мы с ней замечательно ладили. Вспоминала только хорошие моменты наших отношений по той причине, что плохих у нас не было. Совсем! Не могла припомнить ни одного. За исключением, того времени, как я к ним месяц назад приехала. Иногда до слёз было жалко Вику. Таких «наездов», пусть на чужого, но ребёнка не припоминаю у Жанны. Вероятно, за четыре года жития на Кубани с ней что-то произошло. Она изменилась. Причём, совершенно не в лучшую сторону. Я, гостя у неё в доме, пыталась иногда сгладить негатив, запущенный в сторону Сашиной дочки. Примирить ситуацию. Свести всё на шутку. Не помогало. Жанне не нужен был этот ребёнок в её собственном доме, не смотря на то, что это дочка её Саши. Странные метаморфозы происходят с людьми со временем. Даже с такими благородными, как моя бывшая подруга. Жаль! Искренне.

Татьяна пересказала весь телефонный диалог с Жанной. Я оказалась, по словам Жанны, рыбой-прилипалой, которая присосалась к её семье и никак не хотела уезжать.

Обсудили этот момент с Гуськовыми. Таня и Юра знали от Жанны, что я приезжаю к ней и Саше надолго. Писать книгу. До ноября точно. Жанна сама дала мне такую положительную характеристику, что Гуськовы захотели со мной познакомиться, как только я приехала в Степное. Жанна вкратце рассказала им мою историю. Они прониклись. Вот откуда их доброе отношение ко мне сразу. Спасибо, Жанна. А теперь, спустя тридцать пять дней, как я остановилась по Жанниному приглашению, в её в доме, внезапно кардинально изменилась? За собой никаких перевоплощений не наблюдаю. Может со стороны виднее? Я про Жанну. Но и Гуськовы не заметили никаких перемен во мне за этот месяц. Стараюсь быть ровной в отношениях. И потом, как говорит Катюша – мама моего Кита, я всегда спокойна, как удав. Скорее, слон. Эти животные мне ближе. Вывести меня из себя сложно. Очень и очень.

Татьяна работает в службе социальной помощи. На обслуживании у неё несколько стариков. В одной паре умер дед, осталась бабуля семидесяти четырёх лет. Сын пожилой женщины искал кого-нибудь для проживания с ней какое-то время. Её дом недалеко от дома Гуськовых. Женщина немного не в себе после гибели старшего сына. Господи, как и я – особенная мама без сына. Больно. Жутко. Одинокое дерево у дороги с памятником? Проходила мимо. Видела. Место гибели её сына и его друга.

Парней сбила машина, когда они шли в Степной к своим девчонкам. Все жили тогда в Александровке. Нет случайностей в моей жизни. Я согласилась. Таня позвонила младшему сыну овдовевшей женщины. Он захотел на меня посмотреть. Правильно. Я бы тоже не доверила свою маму кому ни попадя.

Младший сын Вячеслав приехал со своей женой Юлией. Мы были обоюдно удовлетворены первыми «смотринами». В принципе, у нас не было другого выхода: ни у них, ни у меня. Будем пробовать, доверяя друг другу. Это главное сейчас.

Елена Никитична оказалась невысокой, но плотной. Ничего отталкивающего. Обычная деревенская женщина в платке и халате. Мне предстояло провести ночь в незнакомом доме с незнакомкой.

Определила себе место на кухне. Большой стол. Удобен для моих тетрадей и ноута. Работать можно. Телевизор на тумбочке. Большая кровать. Неожиданно, конечно: кровать на кухне. Газовая плита. Два шкафа. Кухня приличных размеров. Меня вполне устраивает.

Вечером, когда уже обосновалась у тёти Лены, позвонила своей Светике. Наш дежурный час связи – двадцать один. На Урале время близилось к полуночи. Здесь поздний вечер.

Почти час мы разбирались в моей нынешней ситуации. Светика в таком же шоке, как и все остальные. Ей до крайности обидно за меня. И она не могла найти разумности в странном поступке Жанны. Светика её тоже хорошо знала. Чуть меньше, чем я, но достаточное время, чтобы сделать определённые выводы.

Моя закадычная подруга Светика по своей сути – адвокат и дипломат в одном лице. Всегда пытается найти какое-то оправдание любому человеку и любому поступку. Но тут не нашла ни единой зацепки. Жанна – двуликий Янус. Светлый лик – тёмный лик. Светлая сто-

рона осталась в прошлом. Сейчас тёмная сторона в этой женщине. Вероятно, такая её судьба. На этом мы и закончили наш разговор.

Не смотря на ранний для сна час, решила лечь в кровать. Душа превратилась в пустыню Сахара. Выгорела дотла. Тело устало. Надо восстановиться к утру, а значит, надо спать. Сон – лучшее лекарство, как говорят. Увы, стрессовое состояние не позволяло моему сну даже приблизиться ко мне. «Перемалывала» все события дня.

Сергей звонил, когда была у Гуськовых. Спросил, куда пошла – поехала. Волновался, где я проведу ночь. Услышала вздох облегчения в телефонной трубке, когда сказала, что меня приютили соседи моей экс-подруги. Он тоже разочарован Жанной. Даже обозвал нехорошо. Мне от этого не легче. Разбился вдребезги целый пласт моей жизни.

Сергей пообещал поговорить со своими дочками, как только вернётся из рейса.

– О чём? – спросила я.

– О ком, – ответил он.

О нас с ним. Вот этого я бы не хотела. Взрослые дочери одиноких пап – катастрофа для самих пап. Это знала и до Сергея. Женское чувство собственности. Оно есть у всех женщин. Невесты. Жёны. Дочери. Внуки. Все категории женщин. Чувство собственности сродни жестокому эгоизму. Именно, жестокому. Даже не жёсткому. Чем отличаются дочери Сергея от остальных женщин? Думаю, что ничем. Целых восемь лет они безраздельно владели и папой, и его любовью, и его доходами. Зачем с кем-то делиться теперь? Даже той же его любовью.

Чувство какой-то безысходности захлестнуло меня. Начала молиться. Слез не было. Плакать не по кому. Так для себя решила. Всё уже случилось. Человек, которого считала лучшим и ставила многим в пример, оказался не человеком. Жанна, конечно, ещё и женщина. Женская ревность? Как-то не могла поверить в это. С моей стороны не было ни единого повода. К кому ревновать? К Саше? Этот молодой мужчина не мог вызвать во мне ни на миг какие-то женские эмоции. Он по своей сути уже был «мёртв». А к «живым мертвецам» у меня ни малейшего интереса.

Ночь выдалась бессонной. Отправила Даре сообщение на телефон. Недоумение, как у всех. Она же общалась с вменяемой Жанной. Она ей понравилась. Гостеприимная, приветливая, доброжелательная. А тут такое! Поневоле испытаешь шок. Абсолютный перевёртыш. Переписывались почти до утра, благо Дара ещё в отпуске. Как и все другие, мы не смогли выявить причину такого изменения красавицы Жанны. В одночасье. До обеда была одна Жанна, вечером совершенно другая Жанна. Одно тело, сущности две. Одну заменили на другую. Кто и зачем? Вот бы знать...

Тётя Лена проснулась в шесть часов. На сон у меня было часа два, а то и меньше. Начались мои будни в новом доме.

Сразу определила положительные стороны в данном моменте. Крыша над головой есть. Море на следующие два месяца моё. В саду полно жёлтой ароматной алычи, зреют груши и яблоки. Над головой висит виноград. Фруктами обеспечена полностью. Елена Никитична? Думаю, поладим. Начинаем жить.

Последнее воскресенье июля – день Военно-морского флота. Праздник. Папа. Помню.

Юра, Таня и Лёша решили устроить пикник на берегу лимана. Пригласили и меня. О! Как я этому рада. Мне нужны положительные эмоции после вчерашней встряски души и тела. Собралась в один момент.

Конечно, вчерашнее событие ещё теребило, но я решила: пару дней будет достаточно, чтобы всё обдумать. Понять, принять и забыть. Прежней Жанны нет. И для меня никогда не будет. А эта мне неинтересна. Так решила.

Пикник удался. Лёша жарил сосиски с овощами. На столе знаменитое сало от Гуськовых. Овощи-фрукты. Шутки, смех и веселье. Мы с Таней пили коньяк. Мужчины безалкогольное пиво. Конечно, окунулись в лиман не по разу. Погода превосходная. Солнце жарит. Не сосиски. Нас. И всё остальное. Вода тёплая.

Я фотографировала часть семьи Гуськовых. Иван на службе. Алексей упирался изо всех сил. Таня и Юра уже охотно позировали. Снимки будут классными. Доброта и тепло, исходившее от этих уже и моих соседей, согревали. Благодарна им за существенную поддержку в такой непростой для меня, пусть маленький, но период. Знала этих людей всего – ничего. Общались чуть больше месяца. И такое участие в моей судьбе. По сути, чужой для них судьбе. Делаю выводы. Доброты на земле добавилось. Для меня. И вокруг.

Елена Никитична вела себя вполне нормально. Часто переспрашивала о каких-то событиях текущего дня. Она не помнила сегодня, но прекрасно и до мелочей помнила прошлые события до того трагического дня, когда старший сын не вернулся домой. Разделила свою память на «до» и «после». И так бывает у особенных мам. Психика не выдерживает испытаний и организм даёт сбой в настройках.

Столько лет прошло. Слез у тёти Лены нет, когда она рассказывает об этом ужасе. Простая констатация фактов и череды событий.

Именно, этого не хотела больше всего, когда мой старший сын покинул землю: уйти в нереальность. Слава Богу, я осталась в здравом уме и твёрдой памяти, как говорят.

Вечером позвонил Сергей. Надеюсь услышать какие-то разумные речи. Какие-то предложения насчёт моей неуютной ситуации. Как я ошибалась.

Мой любимый мужчина понёс ересь:

– Тебе надо возвращаться в Канаду, там искать жильё и высылать мне приглашение.

Этот мужчина понятия не имел, как это неосуществимо для него. Попасть в Канаду даже по приглашению целая эпопея. И только на три месяца. Какая Канада? Какое жильё? Там МАХ. Я не хочу возвращаться к нему. Пробить эту стену мне так и не удалось. Безумные планы Сергей. Очередное моё «увы!».

Завтра он возвращается из рейса домой в Магнитогорск, а это опять молчание. Два-три дня мы не общаемся. Его дом, его дочери-внучки забирают моего любимого Серёжку Сморы-

гина безвозвратно, как только он въезжает в свой город. Мирюсь с этой ситуацией. Это его семья. Но и я, вроде бы как уже и не чужая. Может это только мои мысли и надежды? Maybe, maybe...

Второго августа у него праздник – всероссийский «дурдом» ВДВ. Пусть отрывается. Я подожду, конечно. Он меня, клятвенно, заверил, что обязательно поговорит с дочками о нас. Даже не стала отговаривать в этот раз. Как сложится. Так тому и быть.

Писать не могла. Занялась уборкой жилища, где мне предстояло прожить с Еленой Никитичной какое-то время. Сколько? Не имею представления. Как получится. Лето. Солнце. Море. Живу.

Пару дней не была на море. Преступление против себя. Собралась. Автобусного расписания у меня нет. Пришла на остановку рановато. Развлекаю себя тем, что отвечаю на сообщения в телефоне. Переписываюсь с Дарой. Веселимся.

Краем глаза замечаю: к остановке автобуса приближаются Жанна, Родион и Вика. Родиона обратно в Степной привёз названный брат Илья, который со своей семьёй приехал на отдых к маме Жанне. Делаю вид, что занимаюсь телефоном. Сама не выпускаю их троицу из вида. Штирлиц и разведчик Кузнецов в одном «флаконе». Отворачиваюсь от Жанны-Вики-Родиона, по мере их приближения к автобусной остановке. Народ здесь уже тусуется. Человек пятнадцать стоят, сидят, ждут. А то и больше. Жанна прошла мимо. Дети тоже. Обошлось без эксцессов.

Рано обрадовалась. Рано.

– Ирина, я тебе ПРИКАЗАЛА уехать! Ты не поняла? Уезжай! – Жанна приближалась ко мне.

Я отступила:

– Не подходи. Я тебя не знаю.

Я не лгала. Эту Жанну я не знала. Злость исказила её лицо.

– Уезжай! По-хорошему уезжай! Или ты хочешь по-плохому? – она почти визжала.

Я перешла на другую сторону и встала напротив остановочного комплекса. Спектакль начался. Зрители сосредоточились.

Моя ладонь в виде «стопа» неожиданно её остановила:

– Не подходи. Я тебя боюсь. Тебе надо к психиатру обратиться.

Гримаса ненависти исказила красивое лицо блондинки.

Она замахнулась на меня своей немаленькой сумкой:

– Я сейчас тебе дам психиатра. Я сейчас в полицию буду звонить. Они тебя вышлют из края! Ты этого хочешь?

Мой ответ:

– Я хочу, чтобы ты оставила меня в покое, – ей не понравился.

Она резко достала телефон из сумки и лихорадочно начала тыкать в него пальцем. Потом её громкий разговор перешёл в тихий крик. Вероятно, звонила в полицию. Базарная баба пёрла из всех молекул её тела. Родион и Вика, молча, наблюдали. Сцена гадкая. Жаннин авторитет у односельчан окончательно рушился. Умная и даже мудрая ранее Жанна превратилась в отвратительную склочницу. Неужели она этого не понимает? Неужели не видит? Тут и автобус подошёл. Мы зашли в разные двери. Плюс. Я выдохнула.

Причин её ненависти ко мне так и не поняла до сих пор. Ей, скорее всего, и на самом деле требовалось лечение. Побой мужа бесследно не прошли. Только такой вывод напрашивался. Но почему я её спровоцировала на такие приступы необоснованного гнева? Не скажу, что меня это сильно оскорбило. Если она – больна. Но и не расстроило. Это её жизнь. Теперь только её. Пусть выкарабкивается сама. Если сможет. На душе гадко: будто облили помоями.

Море смыло весь негатив. Пять часов плавания в солёной воде с медузами и «жарения» тела на солнышке восстановили меня.

Продолжать писать книгу всё ещё не хотелось. Приходила в себя. Жарила пирожки. Варила компоты. Ходила в магазин за продуктами. Килограммами поглощала свои любимые помидоры. Дыни, которые покупала на рынке, были похожи на «дедушки Петины». Такие же ароматные и такие же сочные.

Картинки из детства моментально всплывали, как только начинала резать этот божественный плод. Огромное солнце слепит глаза. Дед Пётр сидит на крыльчке летней кухни. На Кубани это отдельная постройка. Правой культёй он держит половину дыни невероятных размеров. Жёлтое чудо с нашей бахчи. Руку до локтя дед потерял на войне.левой он ловко отрезает огромный ломоть и подаёт мне. В мои три года этот ломоть, как корабль. Его надо ещё и как-то удержать. После того, как «корабль» плотно пришвартовался на моих коленках, вгрызаюсь в эту запредельную по вкусу мякоть. Сок течёт не только по моим щекам и рукам. Он течёт везде. Платье намокло от сока. Пчёлы, почуяв зазывной одурманивающий запах дыни, слетаются ко мне. Закрываю глаза. Страшно! Помню жалящиеся укусы этих собирателей мёда. Но оторвать от дыни меня не может даже надвигающийся ужас. Дедушка рядом. Так надёжно с ним. Он не даст меня в обиду. Это же его пчёлы. Он с ними договориться. Я знаю. Милые видения детства – моё спасение.

Ночные переписки с Дарой. Я её огорошила ещё одним поступком Жанны. На автобусной остановке. Обсудили тему. И пришли к тому, что психика у Жанны «поехала». Обе так решили. Дара предложила мне уехать из Степного, чтобы побережь мою экс-подругу и самой не нарываться на конфликты с ней, тратя свои нервы. В любом случае, мы живём в одном небольшом селе, где все и всё рядом. Логично. Одно мне было непонятно: с какой стати я должна беречь Жанну? Теперь она мне – никто! Ради кого я должна уезжать от моря? Хотела лето провести на море? Так и будет. Не сдвинусь с этого места. В этом наши взгляды разошлись. Дара обозвала меня жестокой. Не думаю. Каждый будет жить своей жизнью. Жанна своей. Я

своей. Пересечения моя бывшая подруга порвала, отрезала, отсекала и прочие «ла». Прошедшее время. У меня есть будущее. Моё.

После уроков Стамбула не позволяла себе «долгостраданий». Пара, тройка дней. Не больше. Нет времени заниматься копанием. Даже в себе. Есть цель, и я к ней иду. Мне надо жить счастливо. Так и живу. Так хотел мой Митяша. Уже два года не перестаю удивляться себе. Я изменилась. Стала жёстче, но и терпимее. Меня сложно «взорвать», как раньше. Здоровый цинизм. Вероятно, так.

4 августа – день рождения МАХ и день нашей с ним свадьбы. Отправила ему одно поздравление. С днём рождения. Попыталась связаться с ним по скайпу. Поговори со мной, МАХ. Увы, мой муж молчал, как русский партизан. Конечно, жестоко с моей стороны так неосмотрительно влюбиться в другого мужчину. Но сожалений нет.

А Серенький не звонил. Неужели так сложно понять, как мне сейчас нужна его поддержка? Его слова. Его неловкие шутки. Его голос.

Как мило он произносит:

– Ириска-шоколадка, а вот и я.

Мне очень и очень нужно всё это! Много, сразу и именно сейчас. Серенький, почему не звонишь? Ты же любишь. Меня любишь. Я это видела. Я это знаю. Или уже не знаю? Голова кругом от всех гаданий-ожиданий.

5 августа Сергей позвонил. Только через четыре дня. Какая-то фатальность с этой цифрой.

Я слушала его бодрый голос:

– Не потеряла меня? Уже живой. Почти здоровый. Я тут решил оторваться. Проблемы накопились, и я махнул на всё рукой. Ну, и загулял с друзьями. Мой праздник. В фонтанах не купался. Но отдохнули хорошо»!

Меня прорвало:

– А я? Ты обо мне подумал? Как мне здесь в ожидании? Это у тебя проблемы? А у меня их просто нет! Так что ли?

Разрыдалась в трубку. Сама не поняла. Накопившееся за время ожидания его звонка вырвалось наружу.

Ушат воды на мою истерику:

– А ты что от меня ждала, что я тебе скажу: «Ириша, приезжай ко мне и живи»?

«Отрезвела» моментально:

– К тебе никто и не собирался.

Его короткое:

– Я перезвоню потом, – вогнало меня в ступор.

Так и осталась сидеть на маленькой завалинке дома, где обожала разговаривать по телефону с моим любимым Серёжкой Сморгиним. Бог мой! Это что было? С кем я разговаривала? Это не мой Серёжка. Не мой любимый. Так нельзя с любимой женщиной. Он бросил меня одну. Но это же невозможно после всего, что у нас было. «Раздрай» внутри меня грыз и кусал мои сомнения и малюсенькие надежды. Не многовато ли для меня? Второй под дых меньше, чем за неделю. Испытания на прочность продолжались. Меня «ломали» со всех сторон. Зачем опять? Я так была счастлива! Была. Опять в прошедшем времени. К чему меня готовят?

Понимаю умом: всё пройдёт. Придёт в свой знаменатель. Жизнь продолжается. И я буду жить дальше. Но не сейчас. Сейчас мне горько.

Моя «окаменелость» прошла через пару часов. Взятые на себя обязательства не позволяли «распускаться». Я про душу. Тётя Лена рядом. Вернулась в себя обратно.

Елена Никитична периодически «пугала» своими выходками: то спрятала все мои тетради со стихами за пять лет, то кому-то скормила приготовленную мной на ужин курицу, то вылила мой шампунь в унитаз, то спрятала свои вещи так, что найти уже не было никакой возможности. Она ничего не помнила. Совсем. Оказалось, что это норма для таких больных. Свои тетради нашла. Всё остальное – мелочи. Вариант спасения моих вещей от её покушений нашёлся. Один из шкафов с ключом и стал моим сейфом. Правда, пришлось пережить небольшой скандалчик по поводу: кто хозяйка в доме и вызвать на помощь её сына и невестку. Ещё не очень понимала, как с этим справляться. Только училась. Напряжение, конечно было. Валерьянку пили обе. Однажды пришлось вызывать «скорую». Давление у моей подопечной так запрыгнуло, что я перепугалась не на шутку. Всё обошлось. Уколы ставить умею. Пришлось научиться, когда Митяшка «схватил» бронхит. В больницу его не отдала. Малышу было всего четыре месяца, а я всегда – «сумасшедшая мама». Так было, так есть и так будет.

Коллекционировать приятные мелочи своей жизни научилась со временем. При любых обстоятельствах. Так было и в этот раз. Красивейшие закаты, от нежных и ярких красок которых я застывала в немом восторге. Ярчайшие звёзды в недосыгаемой высоте глубочайшего ультрамарина, от которых кружилась запрокинутая голова. Прогулки ёжика тихими вечерами под пение цикад, от которых каждый раз умилялась. А мой вечерний «душ»! Два ведра воды на травке под палящим целый день солнцем. Стоя под роскошным августовским ночным небом, обливая себя из ковшика почти горячей водой, я испытывала невообразимые эмоции. Мгновение, постой! Не смотря ни на что, хотелось жить. Я люблю жизнь, как и мой старший её любил. Теперь я умею жить, как Дмитрий. Он ценил каждое мгновение и умел наслаждаться всем. Фиксировала происходившие со мной перемены не сразу.

Странные ощущения были от того, что мой старший сын, мой Митяша, мой Димуля, мой Дмитрий являлся сейчас моим учителем.

Как говорят: Бог любит троицу. Две гадости произошли. Третья случилась незамедлительно. Через неделю. Раз в месяц из пенсионного фонда мне на карточку Сбербанка перечисляют средства, которые, по мнению великого российского государства, должны обеспечить

моё житьё– бытьё на «заслуженном отдыхе». Деньги в казну я приносила приличные, когда вела свой бизнес. Лучше бы складывала их в «чулок», как делали и делают сейчас многие бизнесмены. Поздновато поняла. Хочется как-то по честному. Но это игра в одни ворота. «Государство» не ценит твою принципиальность. Страна непуганых дураков. Моя страна. И я была одна из них. Из дураков. Признаю.

Сложно назвать те «копейки», которые мне от щедрот своих выделило государство, даже рублями в нынешней России. Это, как говорят, «слёзы». Сумма в совокупности еле дотягивает до прожиточного минимума в России. С февраля месяца этого года половина этих «слёз» уходит очень «потерпевшей» мошеннице Шамсетдиновой С.А. «Праведное государство» Россия всегда на стороне тех, кто имеет связи и может дать на «лапу». Я к таким не отношусь, а потому и «получи фашист гранату» в виде «неподкупных» судей и «справедливого» решения суда в пользу «имеющих и умеющих» мошенников. Не ново, но тем не мене, всё также гадко. Моя карточка находилась у моей подруги Светики. Мне эти «слёзы» в Канаде были ни к чему. МАХ обеспечивал наш быт и мои потребности. Я тоже зарабатывала свои канадские доллары. Они лежали на моей канадской карточке. А российскими «слезами» Светика оплачивала коммунальные расходы по моей квартире на Урале. Других доходов в рублях у меня не было. В этом году половина от российской подачи покрывала ровно половину «коммуналки» по квартире. Наступило 14 число. Я ни сном, ни духом. Звонит Светика. Слышу, что в панике.

– Светика, что случилось? – задала вопрос.

А тревога уже запустила щупальца в мою душу.

– У тебя на карточке минус двести тысяч рублей, – ответствовала подруга.

О-о! Приплыли. Слава Богу! Это только деньги. Бумажки. Только и без них никак. Кто мог такое сотворить? Приставы? Вероятно, что так. Беспредел в этих органах часто достигал своего апогея. По сути, сейчас эти «законники» лишили меня средств к существованию. По их постановлению половина моих «слёз» сразу из пенсионного фонда уходит Шамсетдиновой. Другую половину, которая приходит мне на карточку, по закону никто не имеет право забирать. Я – россиянка. Незащищённый слой населения уже три года. Только кому это интересно, кроме меня и моих очень близких друзей? Российскому государству, точно, глубоко «тьфу»! И в этот раз всё подтвердилось. В России геноцид против своего же народа. Правители жируют. Народ нищает. Ужасаюсь постоянно.

Звоню своему адвокату Олегу Юрьевичу. Рассказываю ситуацию. Он и сам в шоке от моей новости. Попросила его навестить приставов, которые так лихо «исполняют» закон. Он обещался. Буду ждать.

Середина августа. Наличными у меня семьсот долларов. Американских, конечно. Канадскую карточку заблокировали. Не поняла почему. Но здесь всё сложнее. МАХ молчит. Без него вопрос с этой карточкой не решить. Это он открывал мне счёт, поэтому даже пытаться не буду. Тонкостей не знаю. Я полностью доверяла своему мужу.

Денежная проблема меня несколько озадачила. Как-то рассчитывала на заслуженные российские рубли. Пока живу в России. Не получалось совсем. «Хулиганы» лишили меня моих кровных. Придётся разбираться.

Моё внутренне состояние требовало «сброса» информации. Скинула сообщения всем, кому посчитала нужным. Поделиться неприятностью. Требовалась поддержка. Словесная.

И своей единственной сестрёнке Маше тоже. Её реакция поразила. Она отшутилась. Ещё одна проверочка на ... Не знаю, как определить термин. Когда Маше было тяжело, я ей помогала. И материально тоже.

Её ответ на мои слова:

– Маша, я думала, что ты – моя сестра. И ждала от тебя хотя бы других слов, – был предельно понятным.

Он прозвучал, как определение нашему родству:

– А чем я тебе могу помочь?

Всё! Для меня всё. Выводы сделала.

Как так? Наталья, у которой я гостила в Башкирии, по сути, чужой мне человек узнав о моей проблеме, сразу предложила помощь:

– Много не смогу, но немножко на жизнь тебе вышлю. Отдашь, когда сможешь.

Я была поражена. Конечно, поблагодарила, но отказалась. Если уж сильно припечёт безвыходность. Не люблю брать в долг.

25 августа у Юры Гуськова будет юбилей. За неделю до праздника к ним в гости приехала младшая сестра Тани Людмила со своей подругой Мариной и её маленькой дочкой. Они прибыли с Урала. Из Милана прилетела старшая сестра Тани и Людмилы – Светлана. Мама Юры с его сёстрами жили на другом конце Степного. Поразительная сплочённость этой семьи меня восхищала. Как и любовь Юры к его маме. Сын – взрослый мужчина относился к своей маме, как к божеству: «Мамулька, мамочка... Единственная. Любимая женщина». С такой теплотой и нежностью в голосе произносил он эти слова. Точно, мой Дима. Бонусы, бонусы, бонусы.

Знала и о неправильном Юре. По рассказам Тани и его самого. До тридцати трёх лет он пил, гулял и дрался. Татьяна частенько ходила с синяками. Терпела ради детей. И ради сохранения семьи. Теперь, видя, как он ласково называет свою супругу «зайкой, котиком» и прочими милыми словечками, трудно себе представить бушующего отца семейства. С сыновьями у него тоже и лад, и мир. Сыны папу уважают. И любят, конечно. Всё взаимно. Всегда знала, что многое зависит от желания и упорства человека, который делает выбор между «хорошо» и «плохо». Юра сделал свой выбор в сторону «хочу жить правильно». Выиграли все. В первую очередь, он сам. Двадцать два года праведной жизни. Дети не помнят отца в «омуте». Жена помнит. Обида у неё осталась. Иногда «гложет». Я её понимаю. И даже очень. Примеров «неправедной» жизни я знаю приличное количество. Даже у моей самой-самой подружки муж...

В общем, её «Лежик» меня опасается и где-то даже боится. Я его совершенно не уважаю. Коронная фраза этого образчика, способного самоутвердиться только путём унижения своей жены:

– Дайте мне напиться, и я завяжу, – приводит меня в бешенство.

Так продолжается больше тридцати лет. Слабак. Но это выбор моей подруги.

Меня раздражают мужчины, которые ищут повод или предлог для оправдания своего «животного» поведения.

Их сакраментальная фраза:

– У меня такая тяжёлая жизнь.

У кого тяжёлая жизнь? У мужчины, который пьёт? И не может остановиться? Это вы мне будете рассказывать, что такое тяжёлая жизнь? Даже не начинайте. «Порублю в капусту». В мелкую. Умею с блеском.

Мой любимый Серёжка Сморгин не звонил.

Его:

– Потом перезвоню, – затянулось.

Дни превратились в целую неделю, потом в другую. Скучала и ждала. Сама не звонила. Недоумение имело место быть.

Я про его слова в нашем последнем телефонном разговоре.

– А ты что от меня ждала, что я тебе скажу: Ириша, приезжай ко мне и живи?

Вообще – то, любящий мужчина так и должен был сказать своей любимой женщине: -

– Приезжай и живи.

Вывод напрашивался неутешительный. Я – не любимая женщина. И Сергей не любящий мужчина. Такое заключение сделал мой ум. Моё сердце не хотело верить уму. Надежда ещё жила. Её невозможно «убить» сразу. Мы – отличные адвокаты своей любви. Сожалеть об этом? Радоваться этому? Время стало судьёй. Как должно, так и будет. Отпускаю и эту ситуацию.

Твои слова – пощёчин грома.

Зачем меня так унижать?

Тебе не снять моей короны.

Я – не игрушка. Гордость. Стать.

Четыре дня. Четыре ночи.

Был рай. И снова я одна.

Нам счастье всё вокруг пророчит.

Но выбор твой. И кто судья?

А я скучаю. Знаешь, очень.

И вспоминаю трепет рук.

Чудесный день. Безумство ночи,

Где до небес наш сердца стук.

Ты не звонишь, меня обидев.

А я надеждами живу.

Здесь солнце, волны, чаек крики.

Я в море жар любви стужу.

Моя обретенная мудрая жестокость. В чём она заключалась? Не позволяла себе «болеть» любой проблемой больше двух дней. Регламент установился как-то сам собой. Времени жить остаётся не так много, чтобы «горевать» дни и ночи. У меня есть о ком лить слёзы. Мой старший сын. Мой Митяша. Мой Воин. Мой Пилигрим. Есть ради кого и ради чего жить. Мой младший сын. Мой Дениска. Мой перевёртыш, которого надо вернуть к жизни. К правильной жизни.

Татьяна пригласила к себе на посиделки. Для знакомства со своей младшей сестрой и её подругой. Старшая сестра прилетала из Италии днями позже. Гуськовы управлялись со своей «фермой» часам к восьми вечера. Всех животных надо накормить-напоить и спать загнать. Ближе к девяти часам и пришла. Захватила на всех мешок с мороженым. Продавщица в магазине недоумённо вздёрнула брови, когда назвала количество штук этого вкусного лакомства. Купила на всех по две штуки. Получилось почти двадцать. Гулять, так гулять. Вечера на Кубани были душными. Дождь обходил стороной посёлок Степной.

Зайдя во двор, увидела такую картину: у летней кухни сидят три женщины и пьют коньяк. На столе гора нарезанного арбуза. Ужин! Я после восемнадцати стараюсь не есть. Не хочу превратиться в «пышку». Тяжело носить лишние килограммы. Арбуз – замечательно. Но коньяк? Присела на край стула. Говорили-пили-ели. Вечер плавно перешёл в позднюю ночь. Хозяева ушли спать, а я с их гостями всё ещё общалась. Тяжело мне без общения с нормальными людьми.

Тётя Лена бесконечными рассказами про белого бычка иногда доводила меня до невменяемости. Начинало казаться, что я потихоньку «еду» умом. Денно и ночью проводить время с больным человеком сложно. Для меня точно.

Людмила – младшая сестра Тани задала мне вопрос:

– Как ты думаешь, зачем тебе это выпало? Ухаживать за таким человеком, как тётя Лена? Вопрос неординарный. Призадумалась.

Мне не удалось досмотреть за мамой, когда она осталась одна. Мой «брат», разменяв нашу огромную квартиру в одной из «сталинок» на набережной, отселил её в крохотную однушку на окраине Москвы. Я ничего не знала. Когда? Куда? Кто бы это сообщил! После смерти мамы, в один из моих приездов в родной город решила найти мамино последнее жилище. В её квартире уже жили чужие люди. Но соседи по площадке остались прежними. Они оказались адекватными людьми. После поведанной мной истории о маме и «брате», они охотно поделились со мной всем, что помнили. Мне стыдно за себя до сих пор: почему не приехала к ней, не увидела всё сама? Конечно, мне было больно, когда она отказалась от меня. Но я, старалась всё же узнавать, как она, жива – здорова ли? Раз в полгода отправляла заказные письма в местное отделение милиции. Почему мне не написали о смене места жительства мамы, я не знаю. Ответы на мои запросы, конечно, приходили. Были и очень «колкие».

Я предполагала, что участковому приходилось идти к маме, опрашивать её. Затем, он присылал мне её ответы. Увы, на самом деле оказалось всё не так. В последние несколько лет ответы за маму давал мой добрейший и жаднейший «брат». Горький для меня: «Ваша мать не желает с Вами общаться. Причину не указала. Просит её не беспокоить», – приходил несколько раз. Об этом меня тоже никто не уведомил. Я про ответы своего «ближайшего родственника».

Открытки маме отправлялись мной на наш старый адрес. Иногда, решалась и отправляла ей целые письма. Реакции никакой. Горечь складывала в дальний уголок сердца. Жгло. Но маленькая надежда жила. Вдруг однажды когда-нибудь? А мама, оказывается, каждый день спускалась к почтовому ящику: ждала весточек от меня. Запредельная жестокость «брата». Так жутко всех ненавидеть? По словам соседей, любимый сынок Андрюша приезжал раз в неделю, а то и реже. Внучки не приходили совсем. Старшая была неродная. О ней мы все узнали только после свадьбы Андрея и Лили. Дочке жены Андрея на тот момент было уже три года. «Непорочная» невеста родила первую дочку в шестнадцать лет. Здесь всё понятно. Но младшая Иринка? Почему она так к своей бабушке? Глупо заданный вопрос самой себе. У Иринки есть мама, которая так же, как и Меланья, прибрала к рукам выбранного её семейством мужа. С чего бы жене Андрея относиться с уважением к своей свекрови? «Правильный» настрой ребёнка дал ожидаемые и одобряемые родственниками отношения к своей бабушке, которой нужно было только внимание. Моя мама оказалась заложницей дружной семейки «брата».

И умерла она в одиночестве, по словам всё тех же соседей. Несколько дней мама не выходила из квартиры. Пришлось вызывать милицию для вскрытия двери. Маму обнаружили за столом с пачкой своих же писем в руках. На конвертах мой адрес. Андрей не удосужился их даже выбрасывать, когда мама просила его отправлять её письма и открытки мне. Тупо складывал на кухне в шкаф. Какой грех взял на себя этот добрый и слезливый в детстве, жестокий и безжалостный сейчас сын. Неужели все его бесчеловечные поступки в отношении нашей мамы окажутся не наказуемыми? Не злой я человек. По сути, не злой. Но как хочется иногда призвать все проклятья на голову таким вот недочеловекам. Этому нет прощения. Именно так думаю. Только так.

Слёзы каждый раз, как только возвращаюсь к этому. Прости меня, мамочка. Прости. Помнишь, мам, как ты пришла ко мне однажды во сне? Ты стояла ко мне спиной.

– Мама, повернись ко мне, пожалуйста, – попросила я.

Ты меня будто не услышала. Но волна твоей невысказанной обиды докатилась до меня.

Я поняла:

– Мама, ты же сама отказалась от меня. Сама. Скажи мне свой адрес.

Ты не ответила, но я услышала твоё «зачем»?

– Мама, а куда отправлять тебе письма? – крикнула тебе вслед.

Ты исчезла. Молча. Твой последний «портрет» с красивым профилем и копной кудрей со спины из сна я сохранила навечно в своей памяти.

Елена Никитична – не одинокая женщина. У неё есть сын. У меня давно нет мамы. Двадцать один год прошёл, как мы виделись в последний раз. Ей было шестьдесят четыре года. Тёте Лене сейчас на десять лет больше. В этом возрасте моя мама «ушла». Понимаю, что всё в моей жизни не просто так. Сейчас яотрабатываю то, что не успела отдать своей маме. Маленькую толику. Совсем крохотную. Таким вот образом. Поняла. Не возражаю.

Вот и ответ на вопрос Людмилы. Поделилась своими умозаключениями. Все согласились.

Вечерами стала частенько бывать в доме Гуськовых. Гости приехали на десять дней. Надо успеть зарядиться положительными эмоциями, которые исходили от этих озорниц – хулиганок. Судьбы у обеих не очень обыкновенные.

Людмила рассказала о себе. Муж был грузин. Неправильный грузин. Я знаю правильных мужчин из красивой страны Грузия, гордящихся своей нацией и принадлежностью к ней. Рукоприкладство. Брань. Гулянки. Жадность. Для них неприемлемо. В каждой нации есть моральные уроды. Людмила «неправильному» грузину всё прощала и всё сносила. Почти двадцать лет продолжалось мучительное сосуществование. Теперь младшая сестрёнка Тани свободна и почти счастлива. Проблемы с единственным сыном. Служа в армии, он попал в неприятную историю. Не стала спрашивать подробности. Не хотела делать больно его маме. А другие не имеют на это право. Знаю со слов Людмилы, что сын находится под следствием и может «загнать» в тюрьму прямо в солдатских сапогах. Отец отказался от сына, как только родители развелись. Дети остались на маме. Всё, как у меня. У моих сыновей был почти русский отец: украинка и русский – его родители. Считала, что грузинские отцы такими не бывают. У них особое отношение к своим наследникам. Знаю. Впрочем, повторюсь, нации не бывают плохие. Эти индивиды – не лучшие представители своих народов. И это всё!

Марина – такая «военная» молодая женщина, где хлёсткий матерок всегда к месту. Зажигалка и заводилка. Её анекдоты «валили» с ног. Я складывалась пополам от смеха. Хорошая разрядка для меня. Она не прочь выпить в компании, но при этом мясо не ест уже двадцать лет. Только рыбу и овощи-фрукты. Худышкой, однако, назвать нельзя. Но в её теле ни капли жира. Какая-то индийская женщина. Они – вегетарианки в основной своей массе. Девять раз была замужем. Двух мужей похоронила. Двух ждала из тюрьмы. С остальными разошлась. Со всеми жила по закону: со штампом в паспорте. Нынешний – «мент», от которого она и родила ещё дочку Катю. Родила поздно. Бесплодие ей поставили сразу после рождения сына. Детей у

Марины не могло быть. Первый ребёнок рождался тяжело. И последствия случились необратимыми. Такой вердикт вынесли медики. Марине пришлось с этим смириться. Всем мужчинам тоже. Беременность Марины была сюрпризом для обоих будущих родителей. И подарком судьбы, конечно. Принцесса растёт славная. Семья много путешествует. Все счастливы.

И Марину, и Людмилу заинтриговала моя «катавасия» с Жанной. Марина рассказала свою похожую историю, которая была замешана на элементарной бабьей ревности. Татьяна никак не могла успокоиться: она хотела непременно поговорить с Жанной и всё до последней мелочи выяснить. Такая «неугомонность» сидела в ней с самого начала нашего с Жанной конфликта и искала выход. Тане нужна была успокоенность души и понимание всей ситуации. Сущность требовала понимания. Им и дальше жить рядом. Это я уеду. Они останутся. На одной улице.

Марина и Людмила мне, как и Дара, предложили помириться с моей экс-подругой. Татьяна была против. Склеить наши отношения, не говорю про дружбу, после всех её «атак» для меня было нереально. Не гордыня. Моя гордость.

Взрослые девчонки решили сходить в гости к Жанне. По-соседски. Как-то вечерком. И всё выяснить. Мне было тоже любопытно, что скажет проверенная не раз временем моя бывшая подруга. «Бывшая». Прилагательное резало мне слух. До сих пор.

Решили. Сходили. Поговорили. Выяснили. Весь сыр-бор оказался сплошной дуростью.

Утром Татьяна заехала к нам. Елена Никитична была её подопечной. Свои обязанности соц.работник никогда не забывала. Я Таню совсем не напрягала. Мне не в тягость работа по дому. Готовила с удовольствием. Заедала свой стресс. Три стресса. Жанна. Сергей. Приставы. Но сегодня Татьяна заехала на своём транспорте – велосипеде именно для разговора со мной. И он состоялся. Таня сразу предупредила, что Жанна вылила на меня столько грязи, что она и сама не ожидала от своей мудрой соседки столько желчи в мой адрес. Жанна никогда никого ни в чём не обвиняла. До 30 июля 2016 года я тоже так думала.

Выслушав Таню, была не то, что поражена, но несколько удивлена. Психоз у Жанны начался немедленно, как только она сообразила, зачем к ней пришли эти три женщины.

Слова Жанны:

– Она соблазняла Сашу. Она ходила перед ним в красных трусах.

– Она постоянно мешала заниматься нам с Сашей сексом. Она регулярно заглядывала к нам в спальню.

– Она никогда не готовила и не помогала мне в хозяйстве.

– Она не переносила Вику. Она орала на неё и на Родиона.

Жанна поставила мне даже диагноз. Свой. Не медицинский.

– Она больна сифилисом. С неё всё везде сыпалось.

«Она» – это обо мне. Так мило. У меня не осталось имени. Так решила моя бывшая подруга.

Монолог длился бы бесконечно. Пороков во мне находилось нескончаемо. Чем дальше, тем круче.

Взрослым женщинам надоело слушать её вдохновенную ложь и смотреть на несуразное размахивание руками. Таня осадила Жанну несколькими вопросами. Той вроде бы стало неловко после этого. Она попросила у Тани прощение, как у соседки. Сказала, что завтра придёт просить прощение у Юры.

Марина и Людмила после разговора с Жанной уже не хотели «мирить» меня с моей экс-подругой. Зашкалившая степень злобы ко мне определила степень её адекватности.

Вот и встало всё на свои места. Бабская ревность превратила Жанну в неменяемую тётку. Я узнала о себе много «нового». Любопытство моё удовлетворено. Каждая из нас осталась со своими грехами. Вопрос закрыт. Поблагодарила Таню за откровенный рассказ. Она уехала по своей работе дальше. Я открыла ноутбук и села писать.

Елена Никитична «чудила» периодически. Это уже не пугало. Старалась найти с ней общий язык. Вкусные завтраки. Сытные обеды. Полноценные ужины. Выражение тёти Лены про себя «лизну, как кошка», не оправдывалось. Кушала она хорошо. Я о количестве еды. Мои пирожки Елена Никитична доставала из самых «высоких» укромных мест. Поражалась этому. Могла в один присест съесть целую гору оладушек. Потому приходилось часто стряпать. Отбирать у тёти Лены единственную оставшуюся радость от жизни не было желания.

Таким образом, отрабатывала свой долг и своей маме. Таблетки по расписанию. Давление измерялось по пять – шесть раз в день. Постоянное «нытьё» по поводу здоровья: «что-то мне плохо и всё тут», я потихоньку пресекала. Понимала: ей нужно внимание. Отвлекала и уводила разговоры в сторону шуток и приятных для неё воспоминаний. Елена Никитична оказалась «любительницей» мужского пола.

Три официальных мужа и несколько любовников. Это несколько удивило. Воспоминания о любых мужчинах тётю Лену приводили в хорошее расположение духа. Она начинала воодушевлённо рассказывать о своих «приключениях». Я её поддерживала. Мы «дружили» какое-то время. Затем я быстренько «уносились» на море, пока Елена Никитична отпускала меня, с лёгким сердцем.

Сын и невестка Елены Никитичны приезжали из Ейска регулярно. Привозили продукты. Забирали в стирку бельё. Юля меня поразила. Эта невысокая и очень симпатичная молодая женщина воевала в Чечне. Женщина и война. Для меня всегда запредельность. И восхищение мужеством. Удивительные люди встречаются мне в этом году.

Юлино отношение к не совсем здоровой свекрови подкупало.

Её резюме:

– Я не могу к свекрови относиться плохо, потому что она – мать моего мужа. А Славу я очень люблю и не хочу ему делать больно.

Терпимо к такой свекрови, потому что к мужу с любовью. И мать мужа тут не причём. Если бы эти слова слышал мой младший сын! Про Меланью даже не заикаюсь. Дуростей и эгоизмов, объединённых нелюбовью к собственному мужу в ней непроходимые и непробиваемые горы. Дениска, Дениска, на ком ты женат?!

Но больше «резануло по сердцу», в хорошем смысле, поведение сына. Елена Никитична была совсем не идеальной мамой для своих сыновей. Ни при их рождении, ни при их воспитании, ни во взрослой их жизни. На первом месте работа и домашнее хозяйство: коровы, свиньи, куры, гуси. На втором мужчины и мужа. На третьем она сама. Дети занимали самое последнее место в её списке жизненных приоритетов. Так было всегда.

Теперь её муж умер, и она осталась одна. Младший сын вспоминался регулярно, несколько раз в день. Только вот беда: с её болячкой, она не помнила, когда он приезжал. Даже, если это было час назад. Такова «сломанная» психика. Вячеслав не забывал маму. Грубого слова к ней от него не услышала. Неидеальная мама, идеальный сын? Считаю, что он – совершенный сын. Видела его поступки, его заботу, его беспокойство о здоровье матери. Ни одного слова упрёка в её адрес. Об отношении мамы к детям, узнала от Юли. Невестка мягко поведала о детстве своего мужа и не только. Гуськов Юра тоже кое-что мне рассказал о Елене Никитичне. Он – ровесник её старшего сына. Родители Юры работали вместе с тётей Леной в одном колхозе, где она, по её же словам, работала «колхозным быком», то есть осеменителем коров. Зоотехник любила деньги и не могла отказать мужчинам. Сыновья полностью были на её свекрови. Мать её первого мужа жила с ними даже после развода Елены с её сыном. Сын ушёл к другой женщине, где родилась ещё и внучка.

Юля с горечью поведала, что мама, у которой остался единственный сын, не поздравила его даже с юбилеем. Конечно, мать можно оправдать её болезнью, но. Так было всегда. Юля звонила свекрови в день юбилея. Напомнила ей о дне рождения Славы. Мама сыну не перезвонила. Не смотря ни на что, сын не собирается «бросать» свою мать, помещать её в старческий дом или дом инвалидов, где она, точно, не выживет. Человек в нём есть. И жена с проблемами справляться помогает. Семья достойна похвал.

Слух у Елены Никитичны идеальный. В этом не раз убедилась, когда разговаривала со Светикой в наш обговорённый по времени час. Утром мы редко беседовали долго. Моя подруга работала. А вот тёплыми вечерами при звёздах... Сергей не звонил. Совсем. Я тоже. Времени свободного достаточно. Я уходила из дома на свою завалинку. Мы могли наслаждаться разговорами часами. Темы находились разные. И важные. И пустяшные. Но нам, как обычно, было комфортно друг с другом. Тётя Лена лежала на кровати и смотрела телевизор. Ушки у неё в это время были на макушке. Это понимала по заданным потом вопросам. Странно. Отсутствие «короткой» памяти компенсировалось идеальным слухом? Да, это как-то несправедливо, что ли... Или это спасение для этой не очень правильной, но в то же время, несчастно-счастливой мамы? Кто же может ответить на такой вопрос, кроме Бога? У каждого своя стезя.

В доме у тёти Лены начали появляться мыши. Во дворе крысы. Август близился к концу. Зерно на полях убрали. Стало голодно, и серая мерзость потянулась к людям. Б-р-р-р! Не люблю этих тварей. Слава Богу, что во дворе у Елены Никитичны живут две кошки. В дом они не заходили. Хозяйка проявляла строгость в отношении этих милых созданий. Я их кормила. Фотографировала кошачьи ритуальные танцы. Две милахи охраняли свою территорию от всех хвостатых. Чужие из их же семейства тоже не имели пропуска на вход. «Face control» строгий.

Отчёт в виде тушек крыс и мышей созерцала поутру. Говорят, что мыши, появившись в доме, выживают жильцов из него. Я и сама готова уже «выжить» из дома, где наглое шуршание серостей по ночам не давало мне спать, а мерзкий мышиный запах отбивал всякий аппетит. Чего сказать о своей подопечной не могла. У Елены Никитичны принятие пищи по расписанию. Война войной, а еда чтобы в положенное время. Хорошо, что и спать ложиться её приучила в определённый час. В двадцать один моя подопечная, вымытая в ванной и накормленная вторым ужином, лежала в своей комнате и на своём диване. Свобода до утра.

Этим иногда пользовалась. У Гуськовых я прижилась. Никогда не напрашивалась, приглашали сами. Приятно. Волшебным образом, постоянно попадала к ужину. «Не ем после шести» теряло весь смысл. Сало от Гуськовых соблазнительно лежало и источало «слюноподавлюсь» запахи. Как тут удержаться? Никак. И девчонки со своей горилкой. А рыба изготовленная в домашней коптильне? Моя слабость. Немного. Чуть-чуть. Попробовать. Килограммы прибавлялись. Я их не замечала. Шорты-майка. Никаких вечерних нарядов в «обтягон» не было. Форма одежды «casual». Лето. Солнце. Море. Всё имеет свои последствия. Об этом забыла напрочь. Наслаждалась общением со всеми сразу в этой гостеприимной семье. Таня сдавалась быстрее, чем Юра. После ужина жена уходила спать. Муж оставался с нами. Анекдоты, смех, вкусная еда и горячительные напитки. Время пролетало мигом. Марина пыталась разложить по полкам мою жизнь. Особенно её заинтересовала история с моими «слезами от государства». Присоветовала обратиться к Жириновскому. Объяснила почему. У неё приятельница, муж которой попал в такое колесо «беспредела», что его, военного, имеющего военные награды, разжаловали, обобрали и кинули за решётку. Такой вот акт «укрощения строптивого». Оставшись одна. Без средств существования, без крыши над головой, с маленьким ребёнком на руках, отчаянная блондинка, оставив своё чадо на попечение бабушки-дедушки, рванула в Москву. Добилась приёма к самому Владимиру Вольфовичу. Вступила в его партию. Пересмотр дела мужа состоялся. Вернули, восстановили, извинились. Живут счастливо. Я не блондинка. Как раз наоборот. Можно и мне для начала написать ему. Вдруг что получится. Под лежащий камень ничего не потечёт. Буду сама шевелиться и шевелить всех, кого придумаю. Рассчитывать мне не на кого. Адвокат уже был у приставов. Они только нагло ухмылялись ему в лицо и требовали, чтобы я к ним пришла, приехала, прилетела. Зачем я им нужна была, было невдомёк. Всё и так высчитывается. Я про деньги. «По закону». Что ещё? Унизить в очередной раз? Не получится, как и раньше. Я не из клана прогибающихся.

– Порода сильнее пастбища, – писал Джордж Элиот. Это правда. Для меня так же верно, как и то, что написавший эти слова – женщина, английская писательница XIX века Мэри Энн Эванс.

Решение принято. Надо писать. Нашла в интернете куда и как. Изложила. Отправила Жириновскому В.В. и Путину В.В. Интересен результат их ответов. 18 сентября этого года, то есть совсем скоро, выборы. Я – избиратель. Они – кандидаты. Понимаю, что несу глупость... Хорошо. «Будем подождать», а потом «будем поглядеть». Отпускаю и эту ситуацию. Два дня хватило, чтобы осознать, что я осталась без своих «слёз» на неопределённое время. Не собираюсь больше об этом даже думать. Пусть теперь за меня «кандидаты» думают и принимают решения. Это их прерогатива. У меня другие задачи. Моя книга. Мои сыновья. Моя жизнь.

Скоро у Юры юбилей. Надо придумать что-то неординарное. Поехала в Ейск погулять – поразмышлять. Город небольшой. Курортный. Морской порт. Улицы с домами ещё «царских» построек. Любуюсь. Фотографирую на пятый раз всё, что вижу для себя интересное. Присела у центрального фонтана с «холодным» лакомством. Поделилась им с псом, который прилёт на

траве сзади моей скамьи. Не выпрашивал. Сама увидела скромнягу. Отведал. Глазами поблагодарил. Мне показалось, что даже улыбнулся. Жизнь бродячей собаки не из лёгких. Понимаю умом, что всех не обогреешь, но вот на сердце после таких «щемящих» встреч неуютно. Чувство вины накрывает просто с головой. О чём это я? В России о людях не беспокоятся. До собак ли?

Идея пришла не сразу. Погуляв по городским магазинам, придумала: сделаю большое супружеское фото Юры и Тани в раме и ещё фотоальбом. Такая у них от меня останется память. Выбрала фотографию. Заказала. Купила раму и фотоальбом. Теперь, конечно, на море. Пару часов ещё есть.

Азовское тёплое море. А не поменять ли мне тебя на Чёрное? Для разнообразия. Моя виртуальная подруга Элеонора из Евпатории давно приглашает меня к себе погостить. В Крыму ещё не была.

Этот полуостров притягивал к себе ещё тем, что много писателей, поэтов и художников гостило, жило, творило на нём. Анна Ахматова. Мой учитель и мой кумир.

– Кто любимый поэт? Ахматова? Поздравляю! «Ахматовщиной» так и прёт, – пытался «уколоть» меня один маститый поэт из союза писателей, прочтя мои стихи.

Он прогадал. Я восприняла его слова, как комплимент. Слова в рифму только-только начинались складываться. Ещё одна моя любимая поэтесса – Марина Цветаева, на стихах которой тоже воспитывалась. Грин, Бунин, Мандельштам, Батюшков, Волошин, Грибоедов, Мицкевич, Куприн, Пушкин, Толстой Лев, Толстой Алексей, Чехов, Маяковский, Горький, Леся Украинка, Айвазовский, Куинджи, Левитан, Васильев. Уф, сколько громких имён. Дрожь берёт. Меня может приглашают не просто так в этот творческий мир? Улыбаюсь. Даже мысль об этом греет. А вдруг? Я пишу свою первую книгу. Не обольщаюсь, конечно. Но в чудеса, как ни странно, до сих пор верю. Вроде бы должна вырасти из этого уже. Не выросла. Значит, в этом остаюсь наивной девчонкой. А я и не против.

25 августа. Репетиция юбилея удалась на славу. Были самые близкие люди и я. Поздравить Юру попросилась сама. Знала, что на официальный вечер придут и Жанна с Сашей. По-соседски. Значит, будет скандал. Зачем портить праздник всем присутствующим? Лучше поздравлю юбиляра именно в его день. Красиво и достойно, как он того и заслуживает.

Мой подарок понравился всем. Стих, написанный в альбом, тоже. Я была собой довольна. Угодила отзывчивым людям. Алексей радовался больше всех. Носился с портретом родителей, как с писаной торбой, не зная, куда его пристроить. Наконец-то уgomонился и веселье началось. Музыка, шашлыки, вино, шутки, смех. Было шумно – классно. Фотосессия удалась. С удовольствием делаю снимки счастливых людей. Не смотря ни на что, я тоже счастливый человек. Счастливая? Странно! Знаю, что так скажут многие особенные мамы, которые, как и я потеряли своих детей. Не может быть! Так скажут женщины, имеющие детей. Десять лет назад и я так думала. Теперь не думаю. Теперь живу по-другому. К такому состоянию надо прийти, шаг за шагом проделав свой путь. Мой путь длиной в десять лет. Разных лет. У кого какой путь трудно предсказать. Но у каждого он свой. Только собственный.

Далеко за полночь я возвращалась в своё временное пристанище. Одна. Все уже улеглись спать. Только мы заболтались с младшей сестрёнкой хозяйки дома. Фонари гасли в Степном в

десять вечера. Взрослый народ, утомлённый жизнью, укладывался в кровати, а шарахающейся молодёжи свет был ни к чему. Им темнота милее.

Круглая луна освещала мой путь. Облаков не было совсем. «Ночь конокрадов», как говорят в народе. Лошади мне ни к чему. А вот луна! Она завораживала своим волшебным светом. Глаз не оторвать от всего, что виделось. Тишина такая, что «резала» уши. Цикады тоже улеглись спать. На моих часах стрелки приближались к отметке три. Скоро утро. Вздурораженная некоторым количеством спиртного и всем увиденным, шагала по бездорожью в направлении к дому тёти Лены. Одиночество меня никогда не пугало. За десять лет привыкла к нему так, что порой казалось: у меня никогда не было семьи. Ни родителей, ни мужа, ни детей. Светлые воспоминания только о моём безумно беззаботном детстве, где бабушки-дедушки с их безусловной любовью. Такие глупости приходили в гости изредка. Сегодня они решили меня навестить. Давно не были. Моя душа сейчас балансировала на верёвке над пропастью. Но я была не одна. Тенью приклеилась безысходность.

Свернула в поле. Подальше от домов. Упала в скошенную колкую траву и завyla волчицей. Отрывая от сердца кусочки, выпускала своего Джина – боль из бутылки. Не заметила, как луна уступила место рассвету.

Надо возвращаться к Елене Никитичне. Моя подопечная иногда вставала очень рано. Таблетки, давление, завтрак. И так каждый день. Я втянулась уже в этот распорядок дня. Писала много. Но море-это святое. Четыре-пять раз в неделю была на море. Погода замечательная. Вода великолепная.

Жанна угомонилась. За все последующие недели после скандала, устроенного на остановке моей экс-подругой, установилась между нами дистанция «я тебя в упор не вижу». Танин «ушат холодной воды» пошёл ей на пользу. Нос к носу на остановке мы встречались ещё пару раз. Повода я не давала. Молча, отходила в сторону. Неадекватность ещё одной больной женщины для меня многовато. Ревность, конечно, болезнь. Психического плана. Даже не психологического.

Был у меня такой опыт – ревнивый второй муж. Это жутко. Человек может пойти на всё в момент приступа. Жанна тоже призналась Татьяне, что переедет меня на машине, если увидит ещё раз. Не переехала. Видела меня, когда я шла из церкви по направлению к автобусной остановке, а она была за рулём своего авто. Забавно, но эту встречу я запланировала сама. Наряжаясь в церковь и надевая бусы из жемчуга, который мне привезла Жанна из Китая в благодарность за её «спасение» от мужа, у меня мелькнула мысль, что встречу свою бывшую задушевную подругу, именно, сегодня. Мысль материальна. Не раз в этом убеждалась.

27 августа. День рождения моего младшего любимого сына. Отправила ему свой стих. Сообщение на телефон. Другого варианта не было. Все девять его дней рождений.

Я не знаю, что тебе сказать?

И нужны ль тебе мои слова?

Никогда мне в жизни не объять

Твою злость. И в этом я права.
Я не знаю, чем сейчас живёшь.
Как ты любишь, ненавидишь как.
Через слово искренняя ложь.
И размена жизнь теперь в пятак.
Все монеты мира – пустота.
И богатство в слитках только фальшь.
И когда-то это осознав,
За мгновенья счастья всё отдашь.
Не хочу ни в чём я убеждать.
И понять ты должен только сам:
Нет святей религии, чем мать.
Предал ты! И боль... Не передать.
Девять лет стена из кирпича.
Ты её возводишь день за днём.
Натворил однажды сгоряча.
В разных мирозданиях живём.
Не вернутся годы. Реки вспять
Никогда уже не потекут.
Маска на душе. Пора бы снять.
Разрубить тебя скрутивший спрут.
Тридцать пять. Не маленький уже.
Пожелаю мудрости и сил.
Разобрать ошибки, что в тебе
И собрать всё то, что ты разбил.

Без надежды даже на «спасибо», которое из вежливости. Так случилось каждый раз. Так было и в этот. Не огорчилась. Не удивилась. Привыкла, к сожалению. Его грехи останутся его грехами. Мои грехи останутся моими.

Я приняла приглашение Элеоноры. Решила посетить Крым, чтобы воочию увидеть все его красоты и поплавать в Чёрном море. Она пригласила меня на месяц, а дальше, как пойдёт. Надо определиться с датой отъезда. Я с головой ушла в составление маршрута. По опыту зная, что всё может пойти не так, как планирую, наметила два пути, как добраться до Евпатории автостопом.

Сам полуостров тоже исследовала. Наметила те города и места, где бы хотела побывать и впечатлиться. Коктебель. Алупка. Судак. Ялта. Севастополь. Бахчисарай. Последний город у меня ассоциировался с балетом, на который в мои восемь лет отвела мама. «Бахчисарайский фонтан» в Большом театре. Я сидела в четвёртом ряду на четвёртом месте одна. Маленькая девочка на взрослом спектакле. Помню стук пуант на полу сцены. Сначала меня привлекло это. Но потом, с замираем в сердце, нажала вживаться в спектакль. Не знаю, каким образом поняла либретто, но танцы мне рассказали всё. Я плакала. Мне было жаль красивую белокурую девушку, которую убила другая, уже черноволосая девушка. Мне было жалко всех, кто страдал и кому делали больно. Женщина, сидевшая со мной рядом, недовольно фыркала.

И успокаивала:

– Деточка, это только спектакль. Зачем ты льёшь слёзы?

Моя мама удивилась, когда забирала меня со спектакля: лицо у её малолетней дочки было заплаканным. Мама выполнила свою миссию: дочка поняла. Но в оперу отвели позже. Лет в десять. И опять взрослая опера. Это была «Иоланта». Таковым было моё культурное воспитание в семье.

Предупредила сына тёти Лены и Юлю о своём «отпуске». Мои силы на исходе. Как ни крути, но Елена Никитична – больной человек. А хитрости в ней достаточно. Иногда она необыкновенно умно пользовалась своим статусом «здесь помню, а здесь не помню». Давила на «жалость». Рыдала. Опять обе пили валерьянку. Нервы у меня встали в струнку: чуть задень – задрожат. В Крым!

Сергей пропал. Я тоже пропадала. Но звонить сама не хотела. Отправляла сообщения на телефон в стихах, которые писала для него. Тишина стояла звенящая. Я про его ответы. Отказаться от дара небес.

Это надо быть кем так заклётым?

Все годами ждут в жизни чудес,

Пришивая на душу заплаты.

Отказаться от дара любви.

Это надо быть просто безумным!

На ладонях тебе принесли.

Испугался. Причину надумал.

Отказаться от дара и быть

В своём омуте, стянутым ряской.

Всё привычно. Застыл. И не плыть.

Как удобно. Зачем эти встряски?

Отказаться от дара и жить,

Упрекая судьбу и реальность.

По утрам одному кофе пить,

Ничего не меняя. Фатальность.

Отказаться от дара, влача

Бытия неуютную серость.

Неумытая солнечность дня

Безнадёжна. Так где твоя смелость?

Может лучше попробовать встать.

И побыть, пусть немного, счастливым.

За спиной шорох крыльев. Летать!

Полюбив, самому быть любимым.

Отказаться от дара любви?!

Отказаться от любви. Очередная запредельность понимания. Про мужчин.

День отъезда наметила. Сообщила всем. Согласовала. Стала готовиться к своему путешествию. Надо попрощаться с милым и уютным Ейском. С Азовским морем. Я уезжала. Может навсегда.

Три дня подряд ездила в город после обеда и возвращалась с последним автобусом.

История города Ейска была мне интересна своими знаменитыми на весь мир гражданами.

Иван Поддубный. Русский богатырь, «чемпион чемпионов», говорили про него. За 40 лет он не проиграл ни одного чемпионата. Прожил в Ейске двадцать два года. Свои последние годы. Похоронен в парке его имени. В Ейске много памятников И. Поддубного. Сила и мощь русского народа. Это для меня Иван Поддубный. Горжусь, что я его соотечественница.

Нонна Мордюкова провела здесь свою юность. Бегала на танцы и в кино. Училась игре на пианино.

– Ейск когда-то для нас был Парижем, – говорила она.

Отсюда Нонна и уехала покорять Москву. Британская энциклопедия «Who is who» включила Н. Мордюкову в число десяти самых выдающихся актрис двадцатого столетия. Памятник стоит в центре города. Босая женщина присела на ступени дома. Рядом полная корзинка абрикос. Скольким женщинам она родная! Всегда у памятника толпа народа, желающих сфотографироваться с ней. В основном, конечно, женщины. Возраст разный. Помнят.

Напротив этого памятника находится ещё один. Сергей Бондарчук восседает в кресле в задумчивости. Знаменитый кинорежиссёр провёл здесь своё детство и юность. В Ейске началась его актёрская карьера в местном театре. Знаменитые фильмы участника Великой отечественной войны: «Они сражались за Родину», «Судьба человека», «Молодая гвардия», «Тихий Дон», «Ватерлоо». Его «Оскар» за фильм «Война и мир» – гордость для всех нас. Богата Россия талантами.

Елена Никитична, вероятно, как-то прочувствовала, что я её оставляю одну.

И слова произносила правильные, от которых у меня сердце немного щемило:

– Ты меня одну не бросай. Мне плохо будет. Я теперь, как на курорте. Ты меня кормишь вкусно. Моешь меня. Лечишь. Разговариваешь. Мне с тобой хорошо.

Незатейливые слова. Всё-таки понимает Елена Никитична что-то. Пусть урывками она входит в ум и быстро из него выходит, но... Она тоже мама, потерявшая сына. И она, как ни горько, в широком аспекте, моя соратница по горю. Но у меня своя судьба. У неё своя. Я отдала ей и в какой-то мере своей маме всё, что могла отдать в данный момент. Впереди меня ждёт что-то новое и неизведанное, но мне положенное. Готова идти дальше. Учиться и познавать. Набираться опыта. И, конечно, в любом случае, становится счастливой. Каждый мой шаг в будущее был новым.

07.09.2016. Сегодня день моего отъезда. Напекла гору пирогов для Елены Никитичны. Сделала плов. Сварила компот. Не думаю, что пироги задержатся долго. Но дня на два хватит, если она их не скормит своим воображаемым животным: собачкам, курам, цесаркам.

Двадцать два часа. Уже темно. Прохладно. Мои здешние соседи Гуськовы везут свою родственницу – старшую сестру Татьяны в Ростов. Она живёт в Милане. Самолёт улетает в три часа ночи. Меня должны подвезти по пути в Кущёвку. Там трасса дальнотойщиков. Я еду в своё очередное приключение автостопом. Конечный пункт – Евпатория. Еду к Элеоноре. К Элле. Интересная женщина. Внешне и внутренне. Но мы знакомы только по интернету. Полная

авантюра для обеих. У меня, как всегда. У Эллы не знаю. Но мы рискнули. А потому: я еду, а Элла ждёт меня.

Мой рюкзак уместился в багажник легковушки с трудом. Странно. Груза не прибавилось. Свой опыт и свои впечатления за прошедшие здесь два с половиной месяца в рюкзак я, вне сомнений, не складывала. Не поместились бы обретенные качества характера, разочарования и очарования, наслаждения морем и солнцем в мой не маленький, но туго набитый рюкзак. Это везу отдельно. В моем сердце, душе, голове.

Выехали мы точно по времени, как и договаривались. Я скаталась с соседями в Ростов до аэропорта. На обратном пути меня высадили у маленького придорожного круглосуточного магазинчика. В мотеле мест не оказалось. Осталась на улице. Холодало быстро. Надев все тёплые вещи, которые нашлись у меня в рюкзаке, намотав на шею трёхметровый шёлковый шарф, уселась на холодный пластмассовый стул и набрала номер телефона своей подруги Светики. Она сегодня дежурила. На Урале уже утро. На Кубани только два тридцать. Глубокая ночь. Времени до рассвета достаточно.

Не люблю останавливать дальнющей ночью. Мало ли какие шальные мысли придут в голову водителю. Моего огромного рюкзака в темноте не видно. Жду. Разговариваю. Мёрзну.

Беседуя с подругой, перебираю марки грузовиков, на которых уже ездила. Их много. «Америки» в моём списке ещё нет. А хочется-мечтается.

Светика мне:

– Мало ли что хочется. Перехочется. Какая остановится, на той и поедешь.

Логично, конечно. Выбирать не приходится. Примерзаю к стулу. Температура на улице одиннадцать плюс. Осень – таки.

Проболтали полтора часа. Она домой, а я в ступор ожидания. Красный цвет стула совсем не греет почему-то. Закрывает глаза. Так теплее. Звук фуры теперь не спутаю ни с одним другим звуком. Открываю глаза. Не верю. В трёх метрах от меня стоит «американец» – «Fred waiver» синего цвета в жёлтых звёздах. Какой красавец! Почувствовала себя Золушкой, у которой тётя – волшебница. Карета подана. Водитель вышел из моей мечты.

Я вывинтилась из стула и рванула к нему навстречу:

– Доброй ночи! Мне до Крыма. Не подвезёте?

Ответ такой:

– С удовольствием, только кофе куплю.

Водитель молодой, симпатичный. В красной футболке и шортах. Значит, в кабине тепло. Пока он закурался в магазине, я шустро перетасила свою поклажу к машине.

Реакция на мой рюкзак всегда одна и та же:

– Какой тяжёлый! Как справляетесь?

Тяжёлый рюкзак – мелочь. Своя ноша не тянет. Привыкла к его весу. Человек способен адаптироваться ко всему. Даже к событиям, происходящим в его жизни, которые поначалу кажутся непреодолимыми. В психологическом и в физическом ракурсе. Я прошла этот этап: освоение неподъёмностей, предназначенных именно для меня.

Саша – водитель, сможет довезти меня только до развилки на Краснодар. Вот и славно. Второе путешествие благополучно началось. Саше на вид около тридцати, но, когда узнала, что у него две дочери и одна ходит в школу, то лет ему прибавилось. Но выглядит он превосходно.

Как и все водители большегрузных машин, с которыми мне посчастливилось ехать (или им со мной?), Саша спокоен, как удав. Это всегда импонирует: сдержанность. Не люблю «громких» мужчин. Даже, если есть вдруг причина. Обстоятельства бывают разные. Только мужчина всегда должен оставаться мужчиной. Допускаю крепкое словцо. Не больше. «Сухарей» и амёб не люблю. Эмоции должны присутствовать в каждом человеке. Когда ни Бэ, ни Мэ, ни кукареку, скучно.

Как всегда, пристаю к водителю, чтобы он рассказал о себе. Объясняю причину. Все «мои» водители о себе рассказывают с удовольствием. Я, конечно, стимулирую их своими восторгами, удивлениями и прочая, прочая эмоциями. Всё без фальши. Я – открытый человек и эмоции у меня, соответственно, естественные.

Саша – потомственный дальнобойщик. С четырнадцати лет за рулём «американцев». Обучал его родной дядя и брал с собой в поездки по стране. У дяди всегда были только такие грузовики. В детстве Саша слышал песню Т.Овсиенко про дальнобойщика. Запали слова в сердечко пацану. Песня, дядя, романтика дорог. Три составляющие, которые и определили выбор профессии. Обозначили призвание. Однозначно, дальнобойщик.

Этот «американец-дядя Ваня» у него сейчас в арендо – выкупе. Зарабатывает Саша приличные деньги, а потому собирается покупать, после всех долгов, вторую машинку. Для младшего брата Николая. Семейный бизнес. Это правильно. Дружба с братишкой у них крепкая. Так приятно это слышать. За других радуюсь. И за себя, конечно. Везёт мне на чужих хороших людей.

Путь неблизкий. Ещё темно. Саша пообещал мне, что одну в темноте не оставит. Подождёт рассвет вместе со мной. Великодушно. Елей на душу. Мужчина.

Этот, во всех отношениях, поразительный молодой человек, не женат. И жениться больше не собирается. Как же так? Всё просто. Всё обычно. Бывшая жена наполовину дагестанка. Восточная жена – это терпение, молчание и уважение.

– Так вторая её половина – русская, – отвечивал бывший муж.

Эта русская половина жены и встала в позу: руки в боки. Дикие ревности, скандалы, сцены. Как говорят: достала. Развёлся. Свободен четыре года. Снимает квартиру в городе Шахты Ростовской области. Жена и дочери живут далековато от него. В другой области. Это никак не мешает ему принимать участие в воспитании дочерей. Этим летом девчонки были

с ним на море три раза. Не разорили папу, но удивляли своими запросами. Сумму потратил приличную. Даже сам озадачился. Дочерям ни в чём не отказывает. Без папы растут.

Спрашиваю:

– Дочери как к папе относятся?

Ответ меня огорчил:

– Потребительски.

Старшая звонит только, если нужны деньги на телефон, на интернет. Конечно, мама девочек тут не права. Так считаю. Нельзя отворачивать детей от нормальных пап. Их так мало. Хороших тем паче. Почему такие перекосы в воспитании детей допускают мамы, если папа детей не забывает и обеспечивает их быт? Никак не пойму. Нужно ценить настоящих пап, даже, если они не живут вместе с детьми. В детстве закладывается модель поведения в семье. Как жаль, что мои родители не уделяли этому никакого внимания. Моя семья была далеко не идеальной. Ни там, где я была дочкой и сестрой, ни там, где я была женой и мамой. Всё из детства.

Трепетные воспоминания многих мужчин – армия. Саша не исключение. Он служил где-то в горах. Весёлый и коммуникабельный – душа гарнизона. Он не говорил об этом, сама сделала выводы. Испытал всю военную технику, которая была в части. Не ездил только на танке. Но и это удалось осуществить в конце концов. Полковник разрешил. Убеждать Саша умеет. Поняла.

Молодняк отправили на учения. Подальше от цивилизации. Скоро из еды остался один крахмал. Повар как-то умудрялся сделать из одного этого продукта три блюда. Плохо представляю сей процесс, не смотря на весь мой творческий потенциал в кулинарии. Какой-то высший пилотаж. Без сомнений. Восхищаюсь молча.

Вспоминаю своего Дмитрия. У сына тоже были необыкновенные способности в приготовлении вкусняшек из ничего. Торт из батона! Обалденский. До сих пор не понимаю, как он его готовил. Рецепт ушёл вместе с Димкой.

В той местности, куда их забросили, обитало много сусликов. Вечерами они выползали из нор для пересвиста друг с другом. Саша краем уха где-то от кого-то слышал, что у сусликов должно быть вкусное мясо. Обдумал.

Пошёл к полковнику с предложением:

– А не пострелять ли нам на ужин сусликов?

После недолгих уговоров, полковник согласился. И ему крахмал поперёк горла уже встал. Почему бы и да? Вдруг что получится. Сказано-сделано. Полковник выделил двух снайперов. Каким-то волшебным образом Саша достал патроны для винтовок. Не в части. Здесь всё на учёте. За её пределами. Отправились на охоту. На сусликовую.

Есть такая категория мужчин и женщин, которые могут легко справляться с любыми поставленными задачами. Даже, если задачи ставят сами себе. Я тоже из этого клана. Сознаюсь. Горжусь собой.

Сусликов добыли много. На ужин полковнику принесли гору жареного, пареного, отварного мяса. На выбор. Командир доволен удавшимся экспериментом. Риск оказался оправданным и вкусным.

Сначала крахмал «задавил». Потом суслики. Но выбор невелик. Голод – не тётка. Мужчины предпочитали всё же мясо. Хвала солдатам и повару.

После срочной службы Саша остался в армии ещё на год. По контракту. Там и нашёл свою первую любовь.

Девчонок в такой глубинке мало. И те, все пристроенные. Приходилось пользоваться услугами «по вызову». Молодость и тело требовали. «Физика». Я про желания.

Однажды мальчишки пригласили «девочек» в сауну. Привезли – доставили. И в такую даль без проблем. Саша увидел и остолбенел от невероятной красоты, которой на вид было не больше шестнадцати.

– Эта – моя, – заявил он парням.

Девочке, конечно, было больше, чем шестнадцать. Ей восемнадцать. Имя необычное: Мальвина.

Огромные глаза не оставили равнодушным его искущённое сердце. Саша влюбился в милую девчушку. Предложил жить вместе. С одним условием: она больше никогда не будет «работать» в древней профессии. Заверила. Просто какой-то американский фильм «Красотка» с Джулией Робертс и Ричардом Гиром. Но... реалии жизни.

Мальвина родилась в обычной, но неблагополучной семье, где родители пьют, дерутся и милоются одновременно. У неё ещё младшие братишка и сестрёнка. Молодые забрали их к себе. Так решил Саша. Поступок на редкость отважный в таком благородстве. Понимаю: любовь творит чудеса. Мужчина берёт ответственность на себя, не боясь последствий. Всё верно, если чувства настоящие. И, если мужчина настоящий, не трус. Как редко это встречаю. Почти никогда. Я о своём опыте и про опыт своих подруг.

Замечательно протекала совместная и счастливая жизнь где-то с полгода. Молодые жили душа в душу, как говорят. После работы на «панели» у Мальвины началась невероятно райская жизнь. Саша обеспечивал всех всем. Окружал своей любовью и заботой. Младшие дети начали забывать запах нищеты и пьяных угаров. У них появились игрушки, одежда, сытая еда и сладости. Мальвина занималась домом, сестрой и братом. Гражданский муж был плотно занят на работе. Большая семья требовала приличных затрат.

Горы зимой – это снег и ветер. Много снега. Много ветра. Перевалы в горах часто перемерзает и засыпает. Дороги перестают существовать на какое-то время. Особенно проблемно ночью. Когда ветер пробирает до костей, если выйдешь из машины, а, если в машине, то промерзаешь до тех же костей: горячее когда-то заканчивается. Знающие и умные водители не

бросаются на поиск приключений зимой в горах и ночью. Есть стоянки, где благополучно можно переждать стихийное бедствие под названием «выйдешь в горы, не вернёшься». Саша опытный. Думал о себе, потому что у него теперь семья.

Зима только набирала силу. А снег сыпался с небес так, будто кто-то там наверху поставил кнопку «снегопад» на режим – бесконечность. Ночи «задирали» низкими температурами. Саша частенько попадал в такие переделки. Одно грело: дома ждут. В кабине висело фото. Любимая Мальвина улыбалась, глядя своими невозможными глазами прямо в душу. Счастье окутывало тёплым пледом, и Саша спокойно засыпал. Наступит утро. Пройдёт день за рулём. А вечером он уже будет держать крошку – жену в своих уставших руках. Ради такого можно преодолеть любые трудности.

Всё хорошее имеет нехорошую привычку: быстро заканчиваться. У замечательного скорострельности выше в плане наступления конца. На себе проверено.

Вот и утро. Погода сошла с ума, как домомучительница из сказки «Карлсон». И ничего с этим поделать невозможно. Только ждать. Сколько? По метеопрогнозам оказалось, долго. Два дня. Перед усиливающимся ветром успел по рации передать жене, что задерживается.

Когда перевал расчистили, и можно было ехать, зазвонил телефон. Связь наладилась. Звонок от его коллеги. Водитель вчера был в сауне и видел там его Мальвину. Не поверил Саша. Подумал, парень пошутил. Или от зависти. Саше многие завидовали. Было чему. Мальвина и Саша не могли надыхаться друг на друга.

Дома Сашу встретила любящая и соскучившаяся жена.

Дети повисли на нём:

– Саша приехал! А что привёз?

Саша из каждой поездки привозил какие-нибудь подарочки всем: шоколадки, игрушки, орешки. Всё было, как всегда: тепло, уютно. Дом. Семья. Пошутил друг. Опять. Сколько можно?

Через неделю ситуация повторилась. Саша застрял на перевале до утра. Звонок от другого его коллеги. Снова видели Мальвину в сауне. Сомнения начали беспокоить. Ревность потихоньку прокралась к нему в душу. Надо бы проверить. Не могут все так одинаково «прикалываться» над ним. Не должны.

В очередной раз отправившись в поездку, Саша решил устроить тотальную проверку своей возлюбленной. Позвонил ей, сказал, что задерживается до утра на перевале. Мальвина, повздыхав над погодой и выразив сожаления по поводу его задержки, пообещала ждать мужа и приготовить шикарный обед с любимыми вкусняшками. Они распрощались. Мальвина пошла укладывать детей. А Саша выдвинулся по направлению к дому. Был поздний вечер, когда муж красавицы припарковал грузовик у подъезда. Поднявшись в квартиру, Саша не обнаружил ни Мальвину, ни детей. Погасив свой гнев, он позвонил красотке. Мальвина трубку телефона взяла сразу.

На вопрос:

– Ты где?– ответ последовал незамедлительно:

– Как где? Дома. В гостиной сижу и смотрю телевизор.

Саша попросил позвать детей к телефону. И на слова: «Они спят», – попросил их разбудить. Растерянная тишина в трубке телефона необратимо разрывала его счастье и его любовь в мелкие клочки. Конец идиллии и семьи был диким.

Всего тысячелетие назад Саша и предположить не мог, что он хладнокровно соберёт вещи обожаемой им девочки, все, до последней заколки, и выставит, почти выбросит, их за дверь: -

– Забирай и убирайся.

Злости не было. Только глубокое разочарование. Не напился, как сделал бы другой на его месте. Заснул, как упал в забытьё. Не видеть. Не слышать. Выбросить из сердца вон. Не забыть, такое не забывается. Выбросить. Навсегда.

Я слушала Сашу. Слышала его боль. Не забыл. Не выбросил. Печаль заполонила глаза. Не говорю ни слова. Моя жалость ему сейчас ни к чему. Надо самому встряхнуться. Закурил. Небольшой перерыв и он вернулся из своего прошлого. Сильный парень. Уважаю.

Мальвину я не поняла. Пустила под откос своё счастье, Сашину любовь, судьбу брата и судьбу сестры. Неужели «древнейшая профессия» так привязывает к себе женщин? Как наркотик, не отпускает, как бы ты не старался и как бы ты не хотел уйти от этого позорного существования? Не пройдя, не прочувствовать? В этом случае деньги были не причиной. Развлечение? Адреналин? Что? Но точно, не приключение. Приключения – это другое. Всепоглощающая страсть? К чему? Я не могу сказать: «К кому?» Мужчины проходят конвейером. Привычка? Тяга к разгульной жизни? Не дано мне: разобраться в таких «тонкостях», как менталитет проститутки. «Кувыркаться» в сауне с чужими мужчинами, когда есть семья и такой муж, как Саша? Мне не понять никогда и не принять такой путь. Но у каждого, опять-таки, свой выбор. У Мальвины он тоже был. Она его сделала осознанно. Результат неразумного предпочтения Саша увидел через несколько лет, когда заехал по делам в тот город, где был безмерно счастлив и жестоко предан любимой девушкой. Лучше бы не видел: опустившаяся постаревшая женщина шаталась по улицам в поисках питья, приставая к прохожим. Милая девчушка продублировала судьбу своих родителей. В этой повести о любви «Happy End» не получился. Дороги у бывших возлюбленных случились разными. Кардинально.

Мы удачно перешли на другую тему «Братство дальнбойщиков». Саша с огорчением констатировал тот факт, что народ в дальное стал другим: расчётливым и равнодушным, к сожалению. Саша останавливался каждый раз, если видел: кому-то нужна помощь. Ему же тоже помогут, ежели что. Не оправдались надежды.

Февраль месяц. Пуржит-метёт. Морозно. В его грузовике сломалась деталь, которую должны привезти только через неделю. Трасса. И чисто поле вокруг. Продукты и вода на исходе. От фуры не уйдёшь: груз. Пытается останавливать своих коллег. Многие проносятся мимо. Другие, сославшись на занятость, отказывают в просьбе: привезти еды и воды. Хорошо,

что горячее ещё есть. За всю неделю не нашлось ни одного своего «брата– дальнобойщика», который бы хоть чем-то помог. Невероятно!

Я в шоке от его этой истории. Как так? С кем ехала до него, не были такими бездушными. В семье не без уroda? Это понятно. Но... За такой срок и ни один не помог. В голове не укладывалось. Озноб по телу от бесчувствия людей. Сама на своей коже испытала не раз и не два, а много-много-много раз. Мир изменился не в лучшую сторону. Мне в жизни везёт на хороших людей. Их стало больше со временем. От плохих Бог отводит? Или я стала лучше разбираться в людях? Не знаю. Без отвратного не почувствуешь вкуса приятного. Это тоже присутствует.

Саша относится, однозначно, к клану лучших. Даже в «Бла-бла кар» он даёт объявления о бесплатном провозе попутчиков.

Но люди сразу ищут подвох:

– Что не так? Почему бесплатно?

Дожились мы. В бескорыстии сразу ищем скрытую неприятность. И по дороге Саша подбирает путников. Не озлобился, значит. Это радует.

Так, беседуя с ним на разные темы, мы встретили рассвет. Проехали вместе ещё часа полтора. Развилка. Саше направо, мне прямо. Очень сожалел, что в этот раз у него груз не в Краснодар. Обменялись телефонами. Он начал запрашивать по рации машинки в моём направлении.

Утро уже не раннее. Около восьми часов. Фуры пролетали. Никто не отзывался. Так прошло минут двадцать. Наконец-то, отозвался один водитель. Я обрадовалась. Только он попросил его подождать. Ждали, ждали. Канул куда-то. С этим ожиданием отказались ещё от одного предложения: забрать меня до Краснодара. Саша ещё минут двадцать запрашивал водителей. Чувствую себя уже неловко: задерживаю водителя, отрываю от работы. Откликнулся водитель «МАЗ»а. Такой Саша...

Я оторопела от его вопроса:

– На «МАЗ»е довезут до Краснодара. Ничего, что на такой некомфортной машинке?

– Саша, конечно! Какие могут быть у меня капризы?

Уже знаю, какая она. Эта машинка. Места в кабине маловато. Опять бутылки будут стоять под ногами. Выживу. Всё это мелочи. Осознавала заранее неудобства, когда решила на автостоп.

Саша донёс мой рюкзак до грузовика. Спасибо, конечно. Пожелав друг другу всего, мы тепло распрощались.

Водитель «МАЗ»а, знакомясь, протянул мне руку:

– Николай– сын собственных родителей.

– Ирина, – отвечаю.

Не по этикету, конечно: мужчина не должен первым протягивать руку женщине. Как раз наоборот. Ладно. Не все должны знать эти правила.

У него необычное лицо. Широкие скулы. Глаза – почти щёлки. Интересные губы. Монгол. Так и есть: это его второе имя. Коллеги называют именно так. Ещё – «станичник». Звонит телефон у Николая.

Он берёт трубку:

– Привет, станичник!...

Всё понятно. Свой парень, у которого не бывает проблем. Почти. Он привык их решать, не откладывая в долгий ящик. Я это наблюдала на протяжении нашего не очень долгого совместного путешествия. Телефон, практически, не молчал. То Николаю звонят, то Николай звонит. В дальнее с 1991 года, когда развалился его колхоз, где он работал трактористом. Солидный опыт наработан за эти двадцать пять лет. Ездил в Турцию. До прекращения отношений России с Турцией. Измир. Стамбул. Далеко-интересно.

Николай решил меня довезти дальше Краснодара. Но сначала ему надо выгрузиться. Приехали на место. Николай ушёл. Моя бессонная ночь дала о себе знать. Наступивший полдень начал жарить стёкла кабины. Меня разморило, и я уснула на пассажирском сидении. Фраза Николая вернула к бодрости:

– Не спи, приставать начну.

Сон моментально слетел.

Перед моими глазами висит вымпел с девицей и словами: «Если села, не молчи. Если хочешь, намеки». Не-не. Молчать не буду. Но это всё, на что может рассчитывать любвеобильный водитель «МАЗ»а. Он сам мне признался, что не прочь в дороге «побаловаться» с симпатичной женщиной. Не проституткой. Попутчицей. Я – не его вариант. Однозначно. У меня есть мой водитель. Об этом знаем только он и я. Другим это знать совсем не обязательно.

Крепкий кофе с творожником совсем вернул меня в реальность. Пятнадцать минут сна хватило, чтобы бодрствовать до ночи.

Николаю пятьдесят пять лет. Выглядит чуть старше. Может мне так кажется. Женат. Две дочери. Три внучки: Вика, Алина, Арина. Младшей три года. Деда обожает. Впрочем, все внучки обожают его: дед подарочки – вкусняшки везёт всем внучкам. Не забывает. Не обижает. Балует.

Увидев обручальное кольцо на моей левой руке, Николай спросил:

– Разведёнка, конечно?

Объяснила, что в Канаде носят обручалки именно на этой руке. Удивился. Мне кажется, что не очень-то и поверил. Его дело: верить – не верить. Про себя всё знаю. Для меня только это важно. Не эгоизм и не гордыня. Просто знания о себе. Имею право. Давно живу на Земле.

Политику стороной не обошли, естественно. Демократия Путина этого водителя, как и многих других людей в России, не устраивала никак. Голосовать он собрался за Жириновского. Не знаю. Хрен редьки не слаще, наверное. От Жириновского мне ответа ещё не пришло.

Шутка – прибаутка, которой он приветствовал свою жену, меня позабавила:

– Шёл я лесом. Видел Беса. Бес картошечку варил. Котелок на нос повесил, а из попы дым валил.

Наверное, у них такой позывной для опознавания без ошибок. Дела житейские: жена напомнила про покупки, которые муж должен сделать по пути домой. Хозяйственный Николай затарился всеми продуктами. Мешки мне под ноги. Ладно. Скоро моя остановка. Потерплю.

Позывной для внучек был другой:

– Мы – медузы. Мы – медузы. Мы похожи на арбузы.

С таким Николаем: мужем, отцом, дедом никогда не соскучишься.

Вот и развилка на Крымск. Остановились. Водитель, с которым мне было по пути, нашёлся сразу. Рюкзак до «Renault» тащила сама. Незнание этикета оказалась не мелочью в моём «тяжёлом» случае.

Водителя «круто-неудобных лесенок в кабину» зовут Валерий. Запущенность во всём его облике. Длительное время в пути. Такой неухоженный водитель встретился мне впервые за всё моё путешествие. Валерий взял невыгодный заказ и собой недоволен. Работает сам на себя. «Renault» – его собственность. Обижаться не на кого. Не злился, но как-то и что-то бурчал себе под нос. Я чувствовала.

Ему пятьдесят семь лет. И опять не угадала возраст. На вид гораздо больше. Он тоже, как и монгол, ушёл в дальнюю в 1991 году, когда колхоз, где он работал инженером, благополучно развалился. Сейчас на пенсии, как бывший военный. Женат. Две дочери и три внука: Данил, Кирилл и Артемон. Жизнью, как и все, с кем я ехала, недоволен. Налоги, поборы, дороги, неуверенность в будущем, неустроенность. Голосовать тоже собрался за Жириновского. Других кандидатов не видит.

С Валерием расстались очень быстро. Он высадил меня на развилке дорог. Ему в гору, а мне вниз на Новороссийск до парома. И дальше.

Взвалив свой «багаж» за спину, потопала к моей дороге. Оглядываюсь. Надо сориентироваться на местности. Слышу, что из легковушки, стоящей на обочине, мне что-то кричит водитель.

Подхожу:

– Вы так и собираетесь идти до парома? Пешком? С таким рюкзаком?

Он таксует. Объясняю, что я передвигаюсь на фурах. Вижу разочарованное лицо. Да-да. Я передвигаюсь бесплатно по стране. Извини. Пока. Счастливо.

Отошла. Голосую. Тут же красиво-шоколадная «Volvo» притормозила около меня. Подбегаю. Спрашиваю. Повезло. До парома довезёт. Рюкзак в прицеп, чтобы под ногами не болтался. Всё. Еду. Удача улыбнулась мне во весь рот: водитель едет в Севастополь, где его ждут дочери и жена. Но едет через Симферополь, где ему утром выгрузаться. Вот это да! Замечательно. Элла меня заберёт из Симферополя, как и договаривались.

Виталик улыбчивый и большой. Соответствует своей ухоженной машинке. Рассматриваю кабину. Аккуратно всё. Обратила внимание на фотографии, что висят у него в кабине.

– Жена и дочери, – ответил на мой жест Виталик.

Старшая Маруся-5 лет, младшая Лена – ей два. День рождения младшей 22 апреля, потому и Лена. Ленин в этот день родился. Забавно. Не в честь «вождя мировой революции». Вот просто так решили.

Виталику 37 лет. Он родом из Херсона. Потомственный дальнобойщик. Отец, младший братишка – все странники. Служил в Севастополе, где и влюбился в первый раз и сильно в дочку командира. Любовь была взаимной. Им по двадцать. Свадьба. Счастливая жизнь. Совсем короткое время. Тесть Виталика решил пристроить зятя в «органы». Жёсткие и долгие проверки. Молодой муж остался без работы, а семья без денег. Таксовал. Старался хоть как-то заработать на существование. Быт «убил, казнил, зарезал» первую любовь, первое счастье и первую семью. Развелись через восемь месяцев. Детей не было.

Виталик поехал в Москву в поисках лучшей доли. Снял квартиру. Затвердился. Затем в Москву переехали его родители. Уговорил. Десять лет вольницы Виталика притомили-таки. Он, конечно, любитель красивых девушек, но и жениться уже было надо. Второй раз женился в тридцать лет. Жена – москвичка. Он её уважает, любит по-своему: мать его дочерей. Не оправдываясь и немного подтрунивая над своим пристрастием, сказал, что он и сейчас не прочь познакомиться с какой-нибудь красоткой и провести с ней время. Только детей своих не променяет ни на одну из них. Ценности стали другие. Дети – это свято. Кто знает, Виталик... Кто знает. Пути Господни неисповедимы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.